

Сергей Свой

Митридат.
Падение Рима.

Сергей Свой
Митридат. Падение Рима.

«Автор»

2026

Свой С.

Митридат. Падение Рима. / С. Свой — «Автор», 2026

Митридат победил Рим. Вот так! Не верите? Ну и напрасно. Прочтите и убедитесь сами. Автор нашел его победу в каком-то одному ему известном мире и описал её.

© Свой С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	39
Глава 4	55
Глава 5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Сергей Свой

Митридат. Падение Рима.

Название: Митридат. Падение Рима.

Автор(-ы): Сергей Свой

Ссылка: <https://author.today/work/599247>

Глава 1

Митридат. Падение Рима
Глава первая
Две смерти
Полковник Генерального штаба Андрей Воронов терпеть не мог телевизоры.
Особенно — в госпиталях.

Те всегда висели под самым потолком, хрипели новостями и пахли пылью. И всегда в них кто-то уверенно врал. Политики, генералы, эксперты, ведущие — вся страна словно соревновалась, кто красивее объяснит неизбежность катастрофы.

Андрей лежал неподвижно и слушал чужие голоса сквозь звон в голове.
— ...оперативная обстановка стабилизирована...

Стабилизирована.

Он чуть усмехнулся разбитыми губами.

Последнее, что он помнил ясно, — черную степь, снег с дождем и ослепительную вспышку справа от бронемшины. Даже не удар. Просто белый свет. Потом — тишина.

Значит, судя по вранью из телевизора, все-таки вытащили.

Странно было осознавать собственную смерть без страха. Скорее с раздражением. Как будто оборвали работу на середине важной карты.

Он попытался поднять руку — и не смог.

Тело не слушалось.

Пальцы были слишком легкими.

Тонкими.

Детскими.

Андрей медленно открыл глаза.

Над ним не было ни белого потолка госпиталя, ни ламп, ни телевизора.

Камень.

Сырой серый камень.

Он резко вдохнул и тут же закашлялся от тяжелого запаха дыма, овечьей шерсти какого-то терпкого масла.

Где-то рядом горел огонь.

Послышались голоса.

Незнакомый язык.

Нет — не совсем незнакомый.

Он знал его.

Почему-то знал.

Андрей замер.

Снаружи кто-то быстро говорил — резко, зло. Он различал слова раньше, чем понимал это.

— ...мальчишка должен умереть сегодня...

— Царица приказала ждать.

— Если он уйдет в горы, потом будет поздно.

По спине прошел холод.

Этот язык. Греческий.

Древнегреческий.

Этого не могло быть.

Андрей сел слишком резко, и голову пронзила боль.

Он увидел помещение — низкую каменную комнату, застеленную шкурами. Медный свет факелов. Бронзовую чашу. Короткий меч у стены.

И собственные руки.

Юношеские.

Смуглые.

На левом запястье — тонкий золотой браслет в виде змеи.

Сердце ударило тяжело и медленно.

Нет.

Нет.

Этого не может быть.

В памяти всплыли чужие образы.

Темный дворец.

Женщина с холодными глазами.

Кубок вина.

Мертвый отец.

Ночной побег.

Страх.

Не его страх.

Чужой.

Но одновременно — свой.

Андрей резко сжал виски.

В голове словно сталкивались два человека.

Он — полковник Воронов, выпускник Академии Генштаба, специалист по оперативному планированию.

И одновременно —

подросток, который несколько дней назад бежал из Синопы, спасаясь от убийц, от собственной матери.

Он знал это имя еще до того, как осмелился произнести.

Митридат.

Будущий царь Понта.

Будущий враг Рима.

За дверью послышались шаги.

Андрей мгновенно поднялся.

Нет — Митридат.

Теперь уже непонятно кто.

Тело двигалось удивительно легко. Молодое, гибкое, быстрое. Не изношенное сорокапятилетней жизнью и штабной бессонницей.

В комнату вошел высокий бородатый мужчина в плаще из грубой шерсти. На поясе — акинак.

Он замер.

И медленно опустился на колени.

— Басилевс...

Слово ударило сильнее взрыва.

Царь.

Нет.

Еще не царь.

Испуганный мальчишка, за которым уже идут убийцы.

Но где-то глубоко внутри Андрей вдруг понял страшную вещь.

Рим еще можно остановить.

Не в книгах.

Не в лекциях.

Не на картах академии.

Здесь.
Сейчас.
До легионов Суллы.
До Цезаря.
До Империи.
И впервые за много лет он почувствовал не усталость.

А азарт.

Опасный.

Почти хищный.

За дверью завыл ночной ветер с Черного моря.

И в этот миг Андрей Воронов окончательно перестал быть одним человеком.

Ночью он не спал.

Сон приходил урывками — тяжелыми, рваными.

И каждый раз он просыпался уже другим человеком.

То Андреем Вороновым, помнившим карту Ближнего Востока со спутниковой съемки и лекции по истории военного искусства.

То он был юный Митридат VI Евпатор, который еще недавно прятался в горах, питался сыром от пастухов и каждую ночь ждал убийц своей матери.

Самым страшным было не это.

Страшно было то, что память начала смешиваться.

Он уже не мог отделить собственные воспоминания от чужих.

Вот он сидит в аудитории Академии Генштаба.

И одновременно —

в мраморном зале дворца в Синопе, где отец хрипит, схватившись за горло после вина.

Отравление.

Даже теперь Митридат был уверен: мать убила царя.

Лаодика.

Красавица с глазами змеи.

Андрей резко открыл глаза.

Темнота.

Только красные угли в бронзовой жаровне.

Снаружи шумел ветер.

Он медленно сел, пытаясь успокоить дыхание.

Нельзя терять контроль.

Нельзя раствориться.

Он слишком хорошо знал, что происходит с человеком, когда психика перестает выдерживать войну.

Только здесь война шла не вокруг него.

Внутри.

У входа послышался тихий шорох.

Рука сама потянулась к ножу.

Не его движение.

Митридата.

В комнату осторожно вошел старик.

Худой, сутулый, в темном плаще. Серые волосы стянуты ремешком. На груди — серебряный амулет в форме полумесяца.

Старик долго молчал.

Потом тихо произнес:

— Ты изменился, царевич.

Андрей ничего не ответил.
Старик подошел ближе и внимательно посмотрел ему в глаза.
Слишком внимательно.
Опасно внимательно.
— Вчера ты дрожал, как загнанный лисенок, — сказал он. — Сегодня смотришь, как человек, который уже видел смерть.
Внутри что-то напряглось.
Кто он?
Советник?
Жрец?
Шпион?
Память Митридата отзывалась смутно.
Фарнак.
Нет... не Фарнак.
Артемидор.
Грек.
Учитель.
Один из немногих, кому мальчик доверял.
— Я видел смерть, — спокойно ответил Андрей.
Старик медленно кивнул, словно услышал именно то, чего ожидал.
— Да. Я тоже так думаю.
Он сел напротив.
Несколько секунд оба молчали.
Потом Артемидор тихо произнес:
— За тобой идут.
— Кто?
— Люди твоей матери.
Разумеется.
Андрей почувствовал странное спокойствие.
После современной войны это даже не казалось настоящей угрозой. Несколько убийц с бронзовыми мечами.
Но затем включилась другая память.
Митридат боялся не самих убийц.
Он боялся яда.
Ножа ночью.
Веревки.
Подкупа.
Того, что враг уже сидит рядом с твоим огнем.
Античный мир был намного страшнее современного именно потому, что здесь не существовало правил.
Только сила.
И страх.
— Сколько у нас людей? — спросил Андрей.
Старик моргнул.
— Что?
— Воинов. Коней. Запасов. Сколько?
Теперь уже Артемидор смотрел настороженно.
Так не спрашивал испуганный подросток.
Так спрашивал человек, готовящийся к войне.

— Семнадцать всадников, — медленно сказал грек. — И около тридцати слуг и пастухов.
Мало.
Катастрофически мало.
Но Андрей уже начал считать.
Горы.
Перевалы.
Снабжение.
Лояльность племен.
Скорость гонцов.
Он вдруг понял, что делает то же самое, что всю жизнь.
Только теперь ставка была другой.
Не операция.
История.
— Где мы? — спросил он.
— На востоке Пафлагонии.
Черное море.
Понт.
Будущее поле войны.
Перед глазами вспыхнула карта.
Рим.
Армения.
Греческие города.
Боспор.
Колхида.
Скифы.
Легионы.
И впервые Андрей увидел главное.
Рим еще не стал Империей.
Он еще уязвим.
Еще смертен.
Если ударить правильно.
Если успеть раньше.
Сердце забилося быстрее.
Это было безумием.
Невозможностью.
Но именно невозможное всегда и двигало историю.
Артемидор внимательно наблюдал за ним.
— О чем ты думаешь, царевич?
Андрей медленно поднял голову.
И неожиданно для самого себя улыбнулся.
Холодно.
Почти по-взрослому.
— О Риме.
Старик нахмурился.
— До Рима очень далеко.
— Нет, — тихо сказал Андрей. — Уже нет.
Утром пошел снег.
Мокрый, тяжелый, редкий для побережья Понта. Он медленно ложился на темные камни
и шкуры лошадей, превращая лагерь в грязное месиво.

Андрей стоял у выхода из пещеры и молча смотрел вниз, на узкую горную тропу.
Хорошее место для засады.

Слишком хорошее.

Тропа уходила между скалами, где десять человек могли задержать сотню. Но одновременно это была ловушка. Если враг перекроет выходы — им конец.

Он автоматически начал оценивать:

высоты; сектора обстрела; возможные пути отхода; точки наблюдения.

И каждый раз вздрагивал от мысли, насколько естественно это происходит.

Словно он занимался этим всю жизнь.

Нет.

Не словно.

Так и было.

Сзади слышались шаги.

— Люди боятся тебя, — сказал Артемидор.

Андрей не обернулся.

— Это хорошо.

— Нет. Пока — нет.

Старик подошел ближе и понизил голос:

— Они привыкли видеть испуганного мальчика. А сегодня видят молодого царя, который смотрит на горы так, будто собирается их завоевать.

Андрей усмехнулся.

— Разве это плохо для царя?

— Для царя — нет. Для человека, за которым охотятся, — опасно.

Старик был умен.

Очень умен.

Таких людей нельзя пугать слишком быстро.

Андрей помолчал и спросил:

— Когда придут убийцы?

Артемидор резко посмотрел на него.

— Ты говоришь о них так спокойно.

— Они придут?

— Да.

— Тогда какая разница?

Несколько секунд старик молчал.

Потом тихо произнес:

— Иногда мне кажется, что в ту ночь в горах ты все-таки умер.

Внутри словно дрогнула струна.

Опасно.

Слишком близко.

Андрей повернулся к нему.

— А если умер?

Старик долго смотрел ему в глаза.

— Тогда я не знаю, кто сейчас стоит передо мной.

Ветер ударил в скалы.

Где-то внизу заржала лошадь.

И в этот момент снаружи раздался крик.

Короткий.

Резкий.

Боевой.

Андрей даже не понял, как оказался в движении.
Тело сработало раньше мысли.
Он выхватил короткий меч у входа и выбежал наружу.
Лагерь уже просыпался в панике.
Один из пастухов лежал на снегу с рассеченным горлом.
Лошади рвались с привязи.
А из тумана между камней быстро двигались фигуры.
Пятеро.
Нет.
Семеро.
Легкие панцири.
Кривые кинжалы.
Наемники.
Работают быстро и тихо.
Правильно.
Убить мальчика и уйти до рассвета.
Андрей мгновенно понял их ошибку.
Они ожидали добычу.
А нашли человека, который двадцать лет изучал войну.
— Щиты к проходу! — рявкнул он по-гречески.
Голос прозвучал настолько властно, что люди подчинились раньше, чем успели испугаться.
— Копья вперед! Не гнаться!
Наемники замедлились.
Они тоже почувствовали перемену.
Первый нападавший выскочил из тумана почти бесшумно.
Молодой.
Быстрый.
Слишком уверенный.
Он метнулся к Андрею, рассчитывая на легкую жертву.
И умер.
Андрей шагнул в сторону раньше удара и коротко ткнул мечом снизу вверх — под ребра.
Не красиво.
Не героически.
Профессионально.
Человек захрипел и рухнул в снег.
Остальные на мгновение остановились.
Этого хватило.
— Держать строй! — крикнул Андрей.
Теперь уже его слушались все.
Пастухи.
Всадники.
Даже старые слуги.
Потому что страх заразителен.
Но уверенность — тоже.
Второй убийца попытался обойти справа.
Один из понтийцев в панике бросился вперед — и тут же получил нож в шею.
Строй дрогнул.
Опасно.

Очень опасно.
Андрей почувствовал знакомое ледяное спокойствие.
То самое, которое приходило в самые тяжелые минуты там, в другой жизни.
Когда паника убивает быстрее пуль.
— Назад! — рявкнул он. — Не ломать линию!
Наемники снова ударили.
И снова откатились.
Узкий проход работал идеально.
Они не могли использовать численность.
Но это ненадолго.
Если враг поймет, что их мало, начнется штурм.
И тут Андрей увидел главное.
В тумане выше по склону двигались еще люди.
Настоящий удар был оттуда.
Обход.
Грамотно.
Очень грамотно.
Кто-то руководил нападением не хуже профессионала.
Он быстро прикинул расстояние.
Минуты три.
Максимум четыре.
И тогда их сомнут.
Андрей медленно выдохнул.
Страх исчез.
Остался только расчет.
В голове вдруг всплыла старая фраза преподавателя академии:
«Побеждает не тот, кто сильнее. Побеждает тот, кто раньше понимает поле боя».
Он посмотрел на скалы наверху.
На мокрый снег.
На нависающие камни.
И вдруг улыбнулся.
— Артемидор! — крикнул он.
— Что?!
— Сколько масла в лагере?
Старик уставился на него как на безумца.
— Какого масла?!
— Любого! Оливкового, лампового — какого угодно!
— Несколько амфор...
— Тащите сюда.
— Зачем?!
Андрей посмотрел наверх, где в тумане уже мелькали силуэты врагов.
И тихо сказал:
— Сейчас я покажу Риму будущее.
Амфоры притащили быстро.
Две большие — с ламповым маслом.
И еще одну, почти полную густого корабельного дегтя.
Андрей едва не рассмеялся.
Античный мир.

Здесь половина вещей уже существовала — просто никто еще не научился использовать их правильно.

Он быстро оглядел склон.

Узкая каменная полка нависала прямо над тропой, по которой поднимались люди убийц. После ночного снега камни стали скользкими. Между ними тянулись сухие кусты.

Идеально.

Если успеть.

— Вережки! — приказал он. — И факелы!

Люди смотрели на него с растущим ужасом и восторгом.

Особенно молодые всадники.

Еще вчера перед ними был беглый подросток.

Сегодня — человек, который отдавал приказы так, будто родился среди войны.

Андрей уже чувствовал, как меняется лагерь.

Власть — странная вещь.

Иногда ее создают годы.

Иногда — одна ночь.

Наверху мелькнули силуэты.

Враги заходили с фланга быстро и уверенно.

Опытные.

Значит, это не просто дворцовые убийцы.

Кто-то серьезно хотел смерти Митридата.

Андрей схватил амфору и вместе с двумя понтийцами потащил ее вверх по склону.

Холодный ветер бил в лицо.

Снег таял под ногами.

Он двигался почти автоматически.

В голове уже строилась схема.

Не оружие будущего.

Просто физика.

Огонь.

Паника.

Высота.

То, что люди не меняются две тысячи лет.

— Здесь! — приказал он.

Амфоры разбились о камни.

Масло потекло вниз по узкой тропе, быстро впитываясь в кусты и грязь.

Один из воинов с тревогой спросил:

— Басилевс... что ты делаешь?

Андрей не ответил.

Внизу уже слышались голоса нападавших.

Они шли быстро.

Слишком быстро.

Сейчас увидят.

Он выхватил факел.

На мгновение перед глазами вспыхнуло другое воспоминание.

Горящая бронетехника.

Ночной бой.

Черный дым.

Крики по рации.

Память ударила так резко, что его качнуло.

Нет.
Не сейчас.
Он заставил себя дышать ровно.
И швырнул факел вниз.
Сначала ничего не произошло.
Потом склон вспыхнул.
Пламя рвануло вверх мгновенно — яркое, густое, ревущее. Огонь побежал по маслу между камней и кустов, перекрывая проход.
Снизу раздались крики.
Лошади обезумели.
Один из нападавших сорвался со скалы.
Еще двое загорелись почти сразу.
Главное было даже не в огне.
Главное — ужас.
Для людей этой эпохи это выглядело почти божественным оружием.
— Боги... — прошептал кто-то рядом.
Андрей молча смотрел вниз.
Он уже понял страшную вещь.
Ему понравилось.
Не смерть.
Контроль.
Ощущение, что поле боя подчиняется твоей воле.
И в этот момент внутри словно шевельнулся кто-то второй.
Митридат.
Юный царь смотрел на огонь его глазами — и учился.
Очень быстро.
Слишком быстро.
Внизу остатки убийц дрогнули.
Потом побежали.
Некоторых догоняли стрелы понтийцев.
Но Андрей уже почти не видел этого.
Пламя отражалось в его глазах.
А в голове неожиданно всплыли строки из древней истории:
Карфаген.
Ганнибал.
Канны.
Римские легионы, окруженные и уничтоженные.
Он вдруг понял главное.
Рим непобедим только для тех, кто играет по его правилам.
А он не собирался.
Сзади осторожно подошел Артемидор.
Старик долго молчал.
Потом тихо произнес:
— Кто ты?
Вопрос прозвучал почти шепотом.
Но в нем был настоящий страх.
Андрей медленно повернулся.
Ответ уже вертелся на языке.
Полковник Воронов.

Чужак.
Мертвец.
Попаданец.
Но внезапно он понял, что это неправда.
Потому что часть его действительно умерла там, в снегу другой эпохи.
А здесь, среди дыма и крови, рождалось что-то новое.
Он посмотрел на горящий склон и спокойно сказал:
— Я — Митридат.
И впервые не солгал.
После боя лагерь уже не был прежним.
Люди смотрели на него иначе.
Теперь в их взглядах смешались три вещи:
страх; надежда; суеверие.
И это было опасно.
Очень опасно.
Андрей понимал: власть, основанная только на страхе, нестабильна. Но в древнем мире
страх был языком политики.
Особенно — страх перед человеком, которого будто хранят сами боги.
Тела убитых сложили у скал.
Семеро нападавших.
Двое понтийцев.
Слишком мало для настоящего штурма.
Значит, это была проверка.
Разведка боем.
Кто-то хотел увидеть:
жив ли царевич; насколько он слаб; сколько у него людей.
И теперь этот кто-то получил очень неожиданный ответ.
Андрей сидел у огня, разглядывая бронзовый кинжал одного из убийц.
Работа хорошая.
Не местная.
Каппадокия? Армения?
Нет... ближе к греческим городам побережья.
На рукояти — едва заметный знак в виде полумесяца.
Он напряг память Митридата.
И почти сразу внутри всплыло имя.
Савмак.
Начальник дворцовой стражи царицы Лаодики.
Тогда все хуже, чем казалось.
Если мать послала Савмака — она уже не просто устраняет соперника.
Она начала войну.
— Ты снова изменился, — тихо сказал Артемидор.
Старик сел напротив.
Андрей устало потер переносицу.
— В каком смысле?
— Раньше ты боялся крови.
Он посмотрел на свои руки.
Под ногтями еще остались темные пятна.
Кровь.
Чужая.

И почему-то это почти не тревожило.
Вот что пугало по-настоящему.
— Человек привыкает ко всему, — тихо сказал он.
Артемидор покачал головой.
— Нет. Не ко всему.
Некоторое время они молчали.
Ветер трепал огонь.
Где-то в темноте переговаривались часовые.
Потом старик неожиданно спросил:
— Что такое Рим?
Андрей медленно поднял взгляд.
— Ты говорил о нем так, будто видел.
Опасный вопрос.
Очень опасный.
Но одновременно — неизбежный.
Он слишком много уже сказал.
Слишком много знал.
Артемидор был не дурак.
— Это город, который хочет стать миром, — наконец ответил Андрей.
Старик нахмурился.
— Афины тоже хотели.
— Афины хотели славы. Рим хочет власти.
— И ты его боишься?
Андрей долго молчал.
Перед глазами всплывали легионы.
Дороги.
Орлы.
Железная дисциплина.
Государство, которое умело проигрывать и все равно побеждать.
Самая страшная машина древности.
— Да, — честно сказал он. — Боюсь.
Артемидор неожиданно усмехнулся.
— Тогда ты первый разумный царь из всех, кого я встречал.
Ночь становилась холоднее.
Андрей уже собирался уйти в пещеру, когда один из всадников внезапно закричал снаряжи:
— Всадники!
Лагерь мгновенно ожил.
Копья.
Щиты.
Факелы.
Люди вскочили почти в панике.
Андрей поднялся спокойно.
Слишком спокойно.
Он уже начал понимать главный закон войны: если командир боится — армия сломана.
На тропе появились трое.
Медленно.
Без оружия в руках.
Это было странно.

Очень странно.

Когда всадники приблизились, Андрей увидел длинные плащи, покрытые снегом, и бронзовые шлемы греческого типа.

Не убийцы.

Послы.

Средний всадник спешился и опустился на колено.

— Царевич Митридат?

— Да.

Человек поднял голову.

Лицо усталое. Умное. Лет сорок.

Не воин.

Скорее чиновник или дипломат.

— Меня зовут Диофант, — сказал он. — Я прибыл от друзей твоего отца.

Опять опасность.

В древнем мире “друзья” часто убивали быстрее врагов.

— Зачем?

Диофант несколько секунд молчал.

Потом тихо произнес:

— Потому что в Синопе уже говорят, что ты мертв.

Лагерь затих.

Даже ветер словно стал тише.

Андрей почувствовал, как внутри медленно поднимается холод.

Началось.

Настоящая борьба за трон уже началась.

И где-то далеко на западе, за морями и горами, Республика Рим пока еще даже не подозревала, что этой ночью ее будущий враг впервые выжил.

Диофанта обыскали дважды.

Сначала всадники Митридата.

Потом лично Андрей.

Нож в сапоге.

Тонкая игла в подкладке плаща.

И маленький стеклянный пузырек с мутной жидкостью.

Яд.

Посол перенес проверку спокойно.

Даже с некоторым уважением.

— Теперь я понимаю, почему люди Лаодики до сих пор не принесли твою голову, — сказал он.

Андрей ничего не ответил.

Он осторожно покрутил пузырек между пальцами.

Белесый осадок.

Без запаха.

Скорее всего растительный.

Болиголов? Аконит?

Митридат внутри него почти болезненно отреагировал на яд.

Страх.

Ненависть.

Навязчивая память.

Андрей вдруг понял, насколько глубоко это сидело в настоящем Митридате.

В мире античных царей смерть чаще приходила с вином, чем с мечом.

— Зачем ты его носишь? — спросил он.

Диофант чуть улыбнулся.

— Потому что я живу среди царей.

Справедливо.

Они сидели в пещере у огня.

Снаружи усиливался снегопад.

Артемидор молчал, внимательно слушая разговор.

Старик не доверял гостю.

Правильно делал.

— Итак, — спокойно сказал Андрей, — ты приехал сказать, что я умер?

— Не совсем.

Диофант наклонился вперед.

— В Синопе объявили, что царевич Митридат скончался от болезни во время путешествия.

Красиво.

Очень красиво.

Никаких убийств.

Никаких заговоров.

Просто “слабый мальчик умер”.

Андрей мысленно отметил - Лаодика действует грамотно.

Не как истеричная царица.

Как опытный политик.

Это делало ее намного опаснее.

— И кто теперь наследник? — спросил он.

— Твой младший брат.

Конечно.

Удобный ребенок под контролем матери.

Классика.

Диофант внимательно посмотрел ему в глаза.

— Но есть проблема.

— Какая?

— Некоторые люди не хотят, чтобы Понтом правила женщина.

Вот оно.

Аристократия зашевелилась.

Почувствовала слабость власти.

Любая монархия в момент смены правителя похожа на стаю волков вокруг раненого зверя.

— И чего хотят эти люди?

— Увидеть тебя живым.

Андрей молчал.

В голове уже выстраивались варианты.

Рано.

Слишком рано возвращаться.

У него нет армии.

Нет денег.

Нет опоры.

Только несколько десятков людей в горах.

Но и исчезать нельзя.

Если Митридат “мертв” слишком долго — элиты привыкнут к новой власти.

Диофант словно читал его мысли.
— Время работает против тебя, царевич.
— Время всегда против всех, — сухо ответил Андрей.
Посол неожиданно рассмеялся.
Коротко.
Удивленно.
— Говорят, после смерти люди меняются. Но ты превзошел все истории.
Опасно.
Опять слишком близко.
Андрей сменил тему:
— Сколько людей готовы выступить за меня?
Диофант задумался.
— Открыто? Немного. Тайно? Намного больше.
— И почему они хотят помочь?
Посол усмехнулся.
— Потому что ты сын своего отца.
Нет.
Не только поэтому.
Андрей уже понимал: элиты Понта боятся Лаодики.
Боятся хаоса.
Боятся потерять власть и торговлю.
Им нужен символ.
Знамя.
Законный наследник.
Даже если он подросток.
Даже если им можно управлять.
И тут внутри него вдруг поднялось странное чувство.
Почти обида.
Они думают, что смогут управлять Митридатом.
Не понимая, кем он станет.
Кем уже становится.
— Когда мы выдвигаемся? — спросил Андрей.
Артемидор резко повернул голову.
— Куда?
— В Синопу.
Старик побледнел.
— Это безумие.
— Нет. Безумие — сидеть в горах и ждать, пока меня забудут.
Диофант внимательно смотрел на него.
Очень внимательно.
Как игрок, который внезапно понял, что партия пошла не по плану.
— У тебя мало людей, — осторожно сказал посол.
— Людей всегда мало.
— А если это ловушка?
Андрей спокойно пожал плечами.
— Тогда умру по-настоящему.
В пещере стало тихо.
Даже огонь словно притих.
И вдруг он поймал себя на странной мысли.

Он действительно больше не боялся смерти.

Потому что однажды уже умер.

А может...

Часть его все еще умирала там, в другой эпохе, среди снега и горячей стали.

А здесь родился человек, которого история когда-то назовет величайшим врагом Рима.

Глава 2

Глава вторая Город мертвого царя
До Синопы добрались через шесть дней.
Шли медленно.

Слишком медленно для беглецов и слишком быстро для маленького отряда, который не хотел привлекать внимание.

Днем двигались по лесным дорогам и пастушьим тропам. Ночью останавливались в заброшенных святилищах, рыбацких хижинах или просто под скалами у моря.

И все эти дни Андрей учился быть Митридатом.

Это оказалось сложнее войны.

Он учился:

походке царевича; интонациям; воспоминаниям; именам придворных; старым семейным ссорам; даже жестам.

Иногда чужая память всплывала сама.

Резко.

Больно.

Вот запах смолы от кораблей — и он внезапно вспоминает детство Митридата, гавань Синопы и руки отца на своих плечах.

Вот вкус кислого вина — и приходит ненависть к матери.

Вот звук флейты ночью — и появляется ощущение дворца, полного убийц.

Иногда Андрей уже не понимал, какие эмоции принадлежат ему.

И это начинало пугать.

На рассвете шестого дня они впервые увидели город.

Синопа лежала у моря, окруженная крепостными стенами цвета старой крови.

Над бухтой поднимались мачты кораблей.

Греческие храмы.

Дым очагов.

Крики чаек.

Богатый город.

Красивый.

И смертельно опасный.

Андрей остановил коня на холме.

Ветер с Черного моря бил в лицо.

Где-то глубоко внутри Митридат отозвался почти физической болью.

Дом.

Но одновременно — ловушка.

— В городе уже знают, что ты жив, — тихо сказал Диофант.

— Откуда?

Посол усмехнулся.

— Такие новости бегут быстрее кораблей.

Конечно.

Слухи — нервная система древнего мира.

Особенно слухи о мертвом царевиче, который внезапно воскрес.

— Сколько людей Лаодики в городе? — спросил Андрей.

— Все.

Хороший ответ.

Честный.

Артемидор подъехал ближе.
Старик выглядел мрачнее обычного.
— Еще не поздно повернуть назад.
— Поздно, — спокойно ответил Андрей.
Он уже понял: если сейчас отступить — Митридат навсегда останется беглецом.
А власть не любит слабых наследников.
Внизу у ворот их уже ждали.
Десятка два всадников в панцирях.
Городская стража.
И еще кто-то.
Человек в белом плаще с пурпурной каймой.
Придворный.
Нет.
Хуже.
Евнух.
Андрей почувствовал, как внутри Митридата поднимается мгновенная ненависть.
Менофил.
Главный слуга царицы.
Человек, который улыбался во время казней.
Когда они приблизились, евнух медленно поклонился.
Слишком низко.
Слишком вежливо.
— Царевич Митридат, — мягко произнес он. — Какое счастье видеть вас живым.
Ложь.
Каждое слово — ложь.
Но говорил он идеально.
— А моя мать тоже счастлива? — спросил Андрей.
Менофил на миг замер.
Совсем чуть-чуть.
Но Андрей заметил.
— Царица скорбит о вашем исчезновении дни и ночи.
Даже Артемидор едва заметно усмехнулся.
— Тогда ей станет легче, когда она увидит меня живым, — спокойно сказал Андрей.
Евнух снова поклонился.
Но теперь в его глазах появилось что-то новое.
Тревога.
Небольшая.
Пока еще.
— Для вас приготовлены покои во дворце, — сказал Менофил.
Опасно.
Слишком очевидно.
Во дворце его убьют до утра.
Яд.
Нож.
“Несчастный случай”.
Нет.
Туда нельзя.
— Благодарю, — ответил Андрей. — Но я остановлюсь в доме моего отца у восточной гавани.

Евнух впервые потерял контроль над лицом.
На одно мгновение.
Этого хватило.
Дом старого царя не под контролем Лаодики.
Там люди, преданные памяти отца Митридата.
Значит, решение верное.
— Как пожелает царевич, — тихо сказал Менофил.
Но теперь Андрей уже видел: его боятся.
Пока не сильно.
Пока лишь как неожиданную проблему.
Но это начало.
Они въехали в город под взглядами сотен людей.
Торговцы.
Рыбаки.
Греческие купцы.
Наемники.
Рабы.
И все смотрели одинаково.
Как на призрака.
Потому что мертвые царевичи не возвращаются.
Особенно в Понте.
Особенно когда их смерть выгодна слишком многим.
Андрей медленно ехал по улицам Синопы и вдруг почувствовал странную вещь.
Город уже принадлежал ему.
Не юридически.
Не политически.
Но психологически.
Люди любят чудеса.
А мертвый наследник, вернувшийся за трон, — почти идеальное чудо.
Главное теперь — не умереть второй раз.
Дом старого царя стоял над восточной гаванью.
Не дворец.
Скорее крепость богатого грека — тяжелые стены из серого камня, узкие окна, внутрен-
ний двор с кипарисами и видом на море.
Здесь пахло солью, вином и прошлым.
Когда Андрей вошел внутрь, память Митридата ударила почти физически.
Отец смеется за длинным столом.
Военачальники спорят о скифах.
Музыка.
Факелы.
А потом — чаша вина падает на мрамор.
Крик.
Судороги.
Мертвый царь.
Андрей остановился так резко, что Артемидор обеспокоенно посмотрел на него.
— Что с тобой?
— Ничего.
Ложь.
Он начал понимать: чужая память не просто всплывает.

Она живет.
Иногда сильнее его собственной.
Во внутреннем дворе их уже ждали.
Четверо стариков в дорогих плащах.
Советники.
Купцы.
Аристократы.
Люди, которые пережили слишком много царей, чтобы верить кому-то до конца.
Один из них — высокий, седой, с золотой цепью на шее — шагнул вперед.
— Царевич Митридат, — произнес он. — Я — Никандр, друг вашего отца.
Андрей едва не усмехнулся.
Сегодня у него было слишком много “друзей отца”.
Но этот человек отличался от остальных.
Он не пытался выглядеть любезным.
Он оценивал.
Словно проверял оружие перед покупкой.
— Вы живы, — сказал Никандр. — Это меняет многое.
— Например?
Старик помолчал.
— Например, то, кто будет править Понтом через год.
Честно.
Очень честно.
Такие люди опасны, но полезны.
Они хотя бы не тратят время на ложь.
Остальных звали:
Филетер; Дорилай; Евкратий.
И все они хотели одного.
Понять: кто вернулся в Синопу.
Испуганный подросток?
Или новый царь?
Во время ужина Андрей почти не ел.
Слишком опасно.
Вино тоже не трогал.
Никандр заметил это сразу.
— Вы боитесь яда, царевич?
— А вы бы не боялись?
Старик неожиданно улыбнулся.
— Теперь я вижу в вас вашего отца.
Нет.
Ошибаешься.
Во мне сейчас куда больше человека из двадцать первого века.
Но вслух Андрей сказал другое:
— Мой отец умер слишком доверчивым.
За столом повисла тишина.
Все поняли намек.
Лаодика.
Отравление.
Борьба за власть.
Открыто говорить об этом пока никто не решался.

Но воздух уже был пропитан будущей войной.
Наконец Никандр медленно произнес:
— Город взволнован вашим возвращением.
— Это плохо?
— Это опасно.
Старик наклонился ближе.
— Люди любят законных царей. Но еще больше они любят победителей.
Вот она.
Настоящая суть власти.
Не происхождение.
Не боги.
Не право крови.
Сила.
Андрей почувствовал почти уважение к этому старому греку.
Он понимал мир правильно.
— И как мне стать победителем? — спокойно спросил Андрей.
Никандр долго смотрел ему в глаза.
Потом тихо сказал:
— Пережить ближайшие три дня.
Ночь опустилась на Синопу тяжелая и влажная.
Море шумело за стенами дома.
Часовые ходили по крыше с факелами.
Андрей стоял у окна и смотрел на огни гавани.
Где-то там, в огромной темноте за морем, был будущий Рим.
Еще республика.
Еще без императоров.
Еще без легионов Цезаря.
Но уже опасный.
Очень опасный.
Он задумался так глубоко, что едва услышал шаги за спиной.
Тихие.
Почти бесшумные.
Профессиональные.
Андрей резко обернулся.
Слишком поздно.
В темноте блеснуло лезвие.
Убийца двигался быстро — короткий удар в шею, без замаха, без крика.
Школа.
Настоящая школа.
Но Андрей уже видел такие движения раньше.
В другой жизни.
Он ушел в сторону почти автоматически.
Нож прошел в волосе от горла.
Андрей схватил нападавшего за руку и ударил локтем в лицо.
Хруст.
Человек пошатнулся.
И в этот момент второй убийца выскочил из-за колонны.
Вот оно.
Парная работа.

Первый отвлекает.
Второй добивает.
Грамотно.
Очень грамотно.
Андрей успел заметить только темный силуэт и короткий изогнутый клинок.
А потом внутри словно проснулся сам Митридат.
Не разум.
Инстинкт.
Панический, звериный страх человека, выросшего среди заговоров.
Тело рванулось назад раньше мысли.
Клинок полоснул по груди.
Боль вспыхнула огнем.
Но сердце не задело.
— Стража! — рявкнул Андрей.
Первый убийца уже поднимался.
Второй снова шел вперед.
Молча.
Без ярости.
Как ремесленник, заканчивающий работу.
И тогда Андрей понял страшную вещь.
Это не последние.
Это только начало.
Второй убийца двигался слишком хорошо для обычного наемника.
Низкая стойка.
Короткие экономные удары.
Никакой лишней ярости.
Так дерутся люди, которые убивали много раз.
Андрей отступил к колонне, чувствуя, как под туникой становится тепло и липко.
Кровь.
Рана неглубокая, но неприятная.
Главное — не дать себя загнать.
Первый убийца уже снова поднимался, держась за сломанный нос.
Быстро пришел в себя.
Тоже профессионал.
Плохо.
Очень плохо.
Андрей лихорадочно оценивал пространство.
Комната узкая.
Слева стол.
Справа бронзовая жаровня.
За спиной выход во внутренний двор.
Если ворвутся еще люди — конец.
Второй убийца резко шагнул вперед.
Финт в лицо.
Настоящий удар — вниз, в живот.
Андрей ушел в сторону и схватил жаровню обеими руками.
Тяжелая.
Горячая.
Он швырнул ее прямо в противника.

Убийца успел прикрыться, но раскаленные угли брызнули в лицо.
Крик.
На секунду.
Этого хватило.
Андрей подхватил упавший табурет и с силой ударил первого нападавшего в колено.
Хрустнуло.
Человек рухнул.
Второй уже снова шел вперед сквозь дым и искры.
Удивительная выдержка.
И тут в коридоре загремели шаги.
— Басилевс!
Стража.
Поздно, но все же.
Убийца мгновенно понял это тоже.
И впервые за бой заговорил.
— Ты все равно умрешь.
Греческий.
Без акцента.
Интересно.
Андрей усмехнулся, тяжело дыша.
— Встань в очередь.
В глазах убийцы мелькнуло что-то похожее на уважение.
А потом он бросился к окну и исчез в темноте раньше, чем в комнату ворвались люди
Никандра.
Первого убийцу скрутили почти сразу.
Тот попытался перерезать себе горло спрятанным лезвием, но Артемидор успел выбить
нож ногой.
— Живым! — резко приказал Андрей.
Все замерли.
Даже сам пленник.
Молодой царевич не должен был говорить таким голосом.
Голосом человека, привыкшего командовать среди смерти.
Через несколько минут дом уже стоял на ногах.
Факелы.
Крики.
Шум оружия.
Никандр прибежал одним из первых.
Седой грек увидел кровь на тунике Андрея — и впервые по-настоящему побледнел.
— Ты ранен.
— Царапина.
— Кто это был?
— Хороший вопрос.
Пленника бросили на колени посреди двора.
Невысокий.
Крепкий.
Лет тридцать.
Лицо обычного солдата.
Именно такие опаснее всего.
Толпа стражников уже хотела начать избивать его, но Андрей поднял руку.

— Нет.
Все замолчали.
Он подошел ближе и присел напротив убийцы.
Тот смотрел спокойно.
Без ненависти.
Без страха.
Профессионал до конца.
— Кто тебя послал?
Молчание.
Андрей кивнул.
Ожидаемо.
В двадцать первом веке таких ломали иначе.
Давлением.
Усталостью.
Информацией.
Но здесь времени не было.
Он внимательно посмотрел на пленника.
Пальцы сбиты.
Шрамы на предплечьях.
Следы старых ожогов.
Наемник.
Много лет войны.
Таких людей покупают серебром, а не идеями.
И тут Андрей заметил кое-что еще.
На шее убийцы, под воротом, виднелся маленький синий след.
Точка.
Почти незаметная.
Он резко схватил человека за подбородок.
— Открой рот.
Пленник усмехнулся.
Поздно.
Андрей уже понял.
Яд.
Капсула за щекой или под зубом.
Классика.
— Держите ему челюсть!
Стражники бросились вперед.
Но убийца оказался быстрее.
Хруст.
Он раскусил что-то внутри рта.
Через секунду из уголка губ потекла белая пена.
Артемидор тихо выругался.
Пленник дернулся несколько раз и обмяк.
Мертв.
Во дворе стало очень тихо.
И тогда Андрей понял главное.
Это уже не дворцовая интрига.
Это система.
Кто-то организовал настоящую охоту.

С профессиональными убийцами.

С каналами отхода.

С ядами.

С дисциплиной.

А значит, против него играет не только Лаодика.

За ней стоит кто-то еще.

Кто-то умный.

Очень умный.

Никандр смотрел на мертвеца мрачно.

— Плохо.

— Что именно?

Старик медленно поднял взгляд.

— Такие люди не работают на одну женщину.

Ветер с моря качнул факелы.

И вдруг Андрей отчетливо почувствовал: в этой игре появился новый игрок.

Невидимый.

Но намного опаснее всех, кого он пока встретил.

Мертвого убийцу унесли до рассвета.

Никандр настоял, чтобы тело бросили в море.

— В Синопе слишком много глаз, — сказал он. — А еще больше — языков.

Андрей не спорил.

Он стоял во внутреннем дворе, пока слуги смывали кровь с камней горячей водой.

Пар поднимался в холодный ночной воздух.

Красные разводы медленно исчезали.

Но запах железа оставался.

Всегда остается.

— Ты не удивлен, — тихо сказал Артемидор.

— Чему?

— Что тебя пытаются убить.

Андрей посмотрел на старика.

Потом устало усмехнулся.

— После определенного возраста начинаешь считать это частью профессии.

Артемидор нахмурился.

Он снова почувствовал чуждость.

Странность.

Слова молодого царевича иногда звучали так, будто говорили о мире, которого не существовало.

И это пугало его сильнее убийц.

Никандр подошел ближе.

— Ты должен исчезнуть на время.

— Нет.

— Это не просьба.

— А это не совет старого друга моего отца. Это страх.

Старик резко замолчал.

Попал.

Точно попал.

Андрей уже начал понимать местную элиту:

они ненавидят риск; любят власть и всегда ставят на того, кто кажется самым безопасным.

Но проблема была в том, что безопасным Митридат уже не выглядел.

Никандр долго смотрел на него.
Потом неожиданно спросил:
— Кто научил тебя так говорить?
Опасный вопрос.
Очень.
Андрей пожал плечами.
— Люди, которые давно умерли.
Технически — правда.
Во дворе повисла тишина.
Потом Артемидор резко сменил тему:
— Что будем делать?
Вот оно.
Первое настоящее “мы”.
Люди уже начинали признавать за ним власть.
Пока осторожно.
Пока не до конца.
Но начинали.
Андрей медленно прошелся вдоль колоннады.
Думай.
Не как беглец.
Как правитель.
В чем сейчас главная проблема?
Не убийцы.
Не Лаодика.
Информация.
Власть в древнем мире принадлежит тому, кто первым формирует слух.
А сейчас слухи управляют им.
Он резко остановился.
— Завтра город увидит меня.
Никандр нахмурился.
— После покушения?
— Именно после него.
— Это опасно.
— Нет. Опасно — прятаться.
Андрей повернулся к ним.
И вдруг почувствовал, как внутри снова поднимается Митридат.
Не память.
Не эмоции.
Амбиция.
Тяжелая, горячая, почти физическая.
Желание власти.
Желание трона.
Желание заставить всех склониться.
Он едва заметно поморщился.
Это чувство пугало.
Потому что часть его... наслаждалась им.
— Утром я поеду к храму Зевса, — спокойно сказал он. — Через рынок.
Никандр выругался по-гречески.
Артемидор только тяжело вздохнул.

Они уже понимали: переубедить его невозможно.
Утром Синопа проснулась раньше обычного.
Слухи разнеслись по городу за ночь.
На молодого царевича напали убийцы.
Царевич выжил.
Один из убийц мертв.
Второй сбежал.
К полудню это уже превратилось в десяток разных историй:
будто Митридат убил троих голыми руками; будто убийцы вспыхнули от проклятия богов; будто сам Арес хранит сына старого царя.
Люди любят легенды.
Особенно в тревожные времена.
Андрей ехал по улицам Синопы в простом темном плаще без царских украшений.
Но это работало даже лучше.
Не избалованный наследник.
Выживший.
Вокруг постепенно собиралась толпа.
Кто-то приветствовал его.
Кто-то просто смотрел.
Кто-то быстро отводил глаза.
Страх уже начал работать.
Именно тогда Андрей впервые увидел, насколько хрупка власть Лаодики.
Город ждал сильного правителя.
Любого.
И если она покажется слабой — ее сожрут свои же союзники.
У храма Зевса их уже ждали жрецы.
И солдаты.
Много солдат.
Слишком много для простой охраны.
Никандр тихо выругался:
— Она решила показать силу.
Нет.
Не только силу.
Контроль.
Это ответ.
“Город мой.”
Андрей медленно поднялся по ступеням храма.
И тут увидел ее.
Лаодика VI стояла под белыми колоннами в длинном темно-синем одеянии.
Красивая.
Очень красивая.
И абсолютно холодная.
Глаза змеи.
Женщина, которая могла приказать убить собственного сына — и спокойно принести жертву богам через час.
Толпа мгновенно затихла.
Мать и сын смотрели друг на друга через весь храмовый двор.
И Андрей вдруг понял: это не встреча семьи.
Это начало войны.

Лаодика VI улыбнулась первой.
И именно это было самым страшным.
Не ненависть.
Не гнев.
Спокойствие.
Женщина, уверенная, что все еще контролирует игру.
Она медленно спустилась по ступеням храма навстречу сыну.
Толпа расступалась перед ней почти инстинктивно.
Царица.
Власть чувствовалась в каждом движении.
Андрей смотрел внимательно.
Слишком внимательно.
Военная привычка.
Оценка противника.
Возраст — около сорока.
Держится идеально.
Ни одного лишнего жеста.
Вокруг — телохранители, но стоят далеко.
Умно.
Она показывает:
“Мне нечего бояться.”
Лаодика остановилась в нескольких шагах.
И мягко произнесла:
— Сын мой.
Толпа затаила дыхание.
Андрей вдруг почувствовал, как внутри Митридата поднимается настоящий ужас.
Детский.
Глубокий.
Почти животный.
Он понял: мальчик боялся этой женщины всю жизнь.
Не как матери.
Как хищника.
И одновременно пришло другое чувство.
Его собственное.
Холодное.
Расчетливое.
Он медленно склонил голову.
Ровно настолько, насколько должен сын перед царицей.
Не больше.
— Моя царица, — спокойно ответил он.
Лаодика заметила это сразу.
Конечно заметила.
Она ожидала:
испуганного подростка; злого мальчика; жертву.
Но перед ней стоял кто-то другой.
Это мелькнуло в ее глазах всего на мгновение.
Потом маска вернулась.
— Я молилась богам за твое возвращение, — сказала она.
Ложь была безупречной.

Толпа одобрительно загудела.
Люди любят красивую ложь больше неудобной правды.
— И боги услышали тебя, — ответил Андрей.
Несколько стариков в толпе переглянулись.
Опасная фраза.
Слишком двусмысленная.
Лаодика тоже поняла.
И впервые ее улыбка стала чуть менее уверенной.
— Ты изменился в горах, — тихо сказала она.
— Люди меняются рядом со смертью.
И снова удар.
Тонкий.
Почти незаметный.
Но смертельный для тех, кто умеет слушать.
Толпа уже чувствовала: между ними что-то не так.
Не семейная встреча.
Не радость.
Борьба.
Лаодика медленно приблизилась еще на шаг.
Теперь Андрей чувствовал запах ее духов.
Мирра.
Шафран.
И что-то горькое.
Травы?
Яды?
Паранойя Митридата внутри него мгновенно ожила.
Не пить.
Не есть.
Не подпускать близко.
Никогда.
Царица тихо произнесла:
— Ты должен вернуться во дворец.
Вот оно.
Предложение, от которого нельзя отказаться.
Идеальная ловушка.
Если согласится — умрет.
Если откажется слишком резко — покажет страх.
Андрей улыбнулся.
Спокойно.
Почти тепло.
— Когда в городе станет безопаснее.
Тишина.
Потом кто-то в толпе нервно кашлянул.
Лаодика смотрела ему прямо в глаза.
Очень долго.
И Андрей вдруг понял: она тоже боится.
Не сильно.
Пока еще нет.
Но уже чувствует: сын ускользнул из-под контроля.

— В Синопе опасно только врагам Понта, — наконец сказала она.
— Тогда мне нечего бояться.
Теперь толпа зашумела уже громче.
Люди любят смелость.
Особенно если чувствуют кровь.
Лаодика поняла:еще одно слово — и она проиграет этот обмен.
Пока только этот.
Но проиграет публично.
Она резко повернулась к жрецам.
— Принесем жертву Зевсу за возвращение моего сына.
Умный отход.
Очень умный.
Перевести внимание на религию.
На традицию.
На богов.
Андрей смотрел, как жрецы ведут белого быка к алтарю.
И вдруг поймал себя на странной мысли.
Ему нравится эта женщина.
Не как человеку.
Как противнику.
Потому что она действительно опасна.
А значит — игра будет интересной.
Когда жертвенный нож вошел быку в горло, толпа загудела молитвами.
Кровь хлынула на камень.
Жрецы подняли руки к небу.
И в этот момент Андрей заметил кое-что странное.
Один из телохранителей Лаодики едва заметно коснулся пальцами пояса.
Сигнал.
Кому?
Зачем?
А потом на крыше соседнего портика мелькнуло солнце на металле.
Стрела.
Арбалет?
Нет.
Слишком рано для таких механизмов.
Композитный лук.
Скифская работа.
Андрей понял все мгновенно.
Убийца.
Не для него.
Для Лаодики.
Время словно замедлилось.
Он видел:
лучника на крыше; натянутую тетиву; ничего не подозревающую царицу; толпу; панику,
которая начнется через секунду.
И главное — он понимал последствия.
Если Лаодика умрет сейчас — Понт утонет в хаосе.
Гражданская война.
Борьба кланов.

Вмешательство соседей.
Рим получит слабый Восток намного раньше.
Нет.
Еще рано.
Слишком рано.
Андрей рванулся вперед раньше, чем успел подумать.
И закричал:
— Ложись!

Стрела ударила в колонну там, где секунду назад стояла Лаодика VI.
Белый мрамор взорвался каменной крошкой.
Толпа закричала.
Кто-то упал.
Кто-то бросился бежать.
Жрецы в ужасе попятились от алтаря.
Андрей уже толкал Лаодику вниз по ступеням, прикрывая собой.
Еще одна стрела просвистела над храмовым двором.
Теперь стража наконец очнулась.
— Лучник!— На крышах!— Закрыть царицу!
Телохранители рванулись вперед слишком поздно и слишком беспорядочно.
Плохая охрана.
Парадная.
Не боевая.
Андрей мгновенно понял главное: покушение готовили люди, знавшие это.
Он схватил одного из солдат за щит и буквально швырнул его перед Лаодикой.
В этот момент третья стрела ударила в бронзу.
Глухо.
Сильно.
Скиф действительно был хорош.
Очень хорош.
— На северную крышу! — рявкнул Андрей. — Двое в обход! Остальные не кучковаться!
Солдаты подчинились почти автоматически.
Даже не задумываясь, почему приказы отдает юный царевич, а не командир стражи.
Потому что настоящий командир всегда слышен сразу.
Лаодика поднялась с колен.
Ее лицо побледнело, но голос остался спокойным.
Невероятная выдержка.
— Ты спас мне жизнь.
— Пока еще нет.
Он быстро оглядел площадь.
Лучник уже отходил.
Профессионал.
После третьего выстрела не жадничать.
Не геройствовать.
Исчезнуть.
Правильно.
Очень правильно.
— Перекрыть улицы! — крикнул Андрей. — Гавань тоже!
И только потом понял: он снова командует чужими людьми как своими.

Толпа постепенно приходила в себя.
И теперь все взгляды были прикованы к нему.
Не к Лаодике.
К нему.
К царевичу, который:
пережил убийц; не испугался покушения; спас царицу; и руководил стражей лучше офицеров.

Это было плохо.
Идеально плохо.
Потому что власть иногда приходит слишком быстро.
Лаодика тоже это поняла.
Она смотрела на него иначе.
Без материнской маски.
Без притворства.
Как правитель на другого правителя.
И впервые Андрей увидел в ее глазах настоящее чувство.
Страх.
Очень маленький.
Но настоящий.
— Кто это был? — тихо спросила она.
Андрей медленно выдохнул.
— Не знаю.
Ложь.
Он уже догадывался.
Слишком чистая работа для случайных заговорщиков.
Кто-то хотел:
либо убрать Лаодику; либо столкнуть их между собой; либо проверить реакцию города.
А значит, за кулисами действительно играл кто-то третий.
И этот человек понимал политику.
Опасно.
Очень опасно.
К храму уже бежали новые отряды стражи.
Слышались крики.
Плакали женщины.
Город начинал бурлить.
Слухи понесутся по Синопе еще до заката.
И каждый новый слух будет делать Митридата сильнее.
Андрей внезапно почувствовал усталость.
Тяжелую.
Свинцовую.
Слишком много напряжения.
Слишком быстро.
Он посмотрел на кровь жертвенного быка, растекавшуюся по белым плитам.
Странное зрелище.
Словно сами боги оставили знак.
И вдруг внутри снова шевельнулся настоящий Митридат.
Не страх.
Не ярость.
Предвкушение.

Юный царевич чувствовал: начинается большая игра.

Очень большая.

Андрей медленно поднял голову к серому небу над Синопой.

И впервые ясно осознал: он больше не пытается выжить в древнем мире.

Он начинает его менять.

Глава 3

Глава третья. Люди, которые выстраивают войны
К вечеру Синопа уже кипела.
Город жил слухами быстрее, чем морем.
На рынках говорили:
боги спасли Лаодику руками сына; убийцу подослал Рим; стрелок был скифом; стрелок
был греком; стрелок вообще исчез в воздухе.
И главное — царевич Митридат оказался не мальчиком.
Это повторяли чаще всего.
Андрей слушал доклады молча.
Во внутреннем дворе дома старого царя собрались:
Никандр; Артемидор; Диофант; несколько городских аристократов; двое военачальни-
ков.
И все выглядели встревоженными.
Хорошо.
Значит, начали понимать масштаб происходящего.
— Город на грани паники, — сказал Никандр. — Люди ждут крови.
— Они всегда ждут крови, — сухо ответил один из военных.
Его звали Леонтиск.
Широкоплечий, седой, с перебитым носом и глазами человека, который полжизни провел
в походах.
Опасный.
Но прямой.
Таких Андрей уважал больше придворных.
— Проблема не в панике, — продолжил Никандр. — Проблема в том, что половина
города теперь считает богов на стороне Митридата.
Артемидор тихо усмехнулся:
— А вторая половина?
— Бойтся, что это правда.
Хороший ответ.
Очень древний.
Андрей медленно прошелся вдоль стола.
Думай.
Не как беглец.
Не как попаданец.
Как человек, который собирается брать власть.
Главный вопрос: кто организовал покушение?
Вариантов три.
Первый — Лаодика.
Но слишком грубо.
Если бы царица хотела убить сына на площади, она бы сделала это иначе.
Тише.
Надежнее.
Второй — сторонники Митридата.
Убрать Лаодику и свалить все на дворец.
Но тогда стреляли бы наверняка.
Нет.

Тут было что-то другое.
Третий вариант нравился ему меньше всего.
Кто-то пытается столкнуть их лбами.
Создать хаос.
Ослабить Понт.
И это уже похоже на работу государства.
— Расскажите мне о Риме, — внезапно сказал Андрей.
Во дворе стало тихо.
Леонтиск хмыкнул.
— О Риме?
— Да.
Военачальник пожал плечами.
— Жадная республика. Хорошие солдаты. Любят золото и чужие земли.
Поверхностно.
Очень поверхностно.
Так обычно и погибают страны.
Никандр задумчиво потер подбородок.
— Они быстро растут.
— Насколько быстро?
— Слишком быстро для города.
Вот. Он хотя бы замечал главное.
Андрей подошел к столу и взял кусок угля.
Потом прямо на деревянной поверхности начал рисовать карту.
Черное море.
Малая Азия.
Греция.
Италия.
Все молчали.
Молодой царевич рисовал карту так уверенно, будто видел мир сверху.
— Рим побеждает не армией, — тихо сказал Андрей. — Армии у многих хорошие.
Он отметил углем дороги.
Порты.
Колонии.
— Рим побеждает системой.
Леонтиск нахмурился.
— Что это значит?
Андрей на секунду задумался.
Как объяснить античному человеку государственную машину будущей сверхдержавы?
— Когда римлянин проигрывает битву, он собирает новую армию.
Он провел еще одну линию.
— Когда грек проигрывает — он ищет виноватого.
Тишина.
Никандр медленно поднял взгляд.
А вот он понял.
Сразу.
— Ты говоришь так, будто воевал с ними.
Опасно.
Снова опасно.
Но Андрей уже привык ходить по краю.

— Нет, — спокойно сказал он. — Я просто умею видеть будущее.
Несколько человек нервно переглянулись.
Шутка?
Пророчество?
Безумие?
В античном мире грань между ними была тонкой.
И Андрей специально не стал ее прояснять.
Потому что власть любит тайну.
Особенно царская.
В этот момент у ворот послышался шум.
Через секунду во двор быстро вошел молодой стражник.
Бледный.
Запыхавшийся.
— Господин... в гавани римляне.
Все мгновенно замолчали.
Вот теперь стало интересно.
— Сколько?
— Один корабль.
— Торговцы?
Стражник сглотнул.
— Нет. Посольство.
Во дворе повисла тяжелая тишина.
Андрей почувствовал, как внутри медленно поднимается холодное возбуждение.
Слишком рано.
Невероятно рано.
Но логично.
Рим уже услышал: в Понте начались проблемы.
А значит —они пришли смотреть.
Оценивать.
Покупать нужных людей.
Никандр выругался почти шепотом.
— Только этого не хватало.
Нет.
Именно этого и следовало ожидать.
Рим всегда приходит туда, где пахнет слабостью.
Андрей медленно отложил уголь.
И впервые за все время по-настоящему улыбнулся.
— Прекрасно.
Все уставились на него.
Даже Леонтиск.
— Что именно прекрасного? — осторожно спросил Артемидор.
Андрей посмотрел в сторону гавани, где за домами шумело Черное море.
— Я наконец увижу врага.
Римское посольство вошло в Синопу на закате.
Без лишней роскоши.
Без показного золота.
Именно это впечатляло больше всего.
Трое всадников.
Десяток охраны.

Красные плащи, покрытые дорожной пылью.
Никаких драгоценностей.
Никакой восточной пышности.
Но весь город мгновенно понял: пришли люди силы.
Андрей наблюдал за ними с балкона дома старого царя.
И чем дольше смотрел, тем сильнее ощущал странное чувство.
Почти узнавание.
Не людей.
Системы.
Он слишком хорошо знал такие государства.
Холодные.
Практичные.
Уверенные в собственном праве управлять другими.
Разница была лишь в том, что теперь перед ним был не Вашингтон и не Брюссель.
А Рим.
Во дворе уже ждали Никандр и остальные.
Все нервничали.
Кроме Леонтиска.
Старый воин лишь сплюнул через перила.
— Не люблю латинян.
— Почему? — спросил Андрей.
— Смотрят как хозяева, даже когда просят.
Да.
Именно.
Он уже начинал понимать, почему Рим в итоге покорил Средиземноморье.
Не только легионами.
Психологией победителей.
Через несколько минут римлян ввели во двор.
Первым шел высокий мужчина лет пятидесяти.
Седина на висках.
Жесткое лицо.
Тяжелый взгляд человека, привыкшего оценивать мир с позиции силы.
На нем не было оружия.
Но Андрей сразу понял: этот опаснее многих солдат.
— Луций Корнелий, представитель Сената Рима, — спокойно представился римлянин
на хорошем греческом.
Конечно.
Римляне всегда учат языки тех, кого собираются подчинить.
— Царевич Митридат, — ответил Андрей.
Они смотрели друг на друга несколько секунд.
И внезапно Андрей почувствовал странную вещь.
Римлянин тоже оценивает его.
Не как мальчика.
Как фигуру.
Как будущую проблему.
Интересно.
Очень интересно.
— Рим скорбит о смерти вашего отца, — сказал Луций.
— А теперь радуется, что я жив?

Уголок рта римлянина едва заметно дрогнул.

— Рим всегда радуется стабильности.

Ложь.

Но профессиональная.

Хорошая.

Андрей вдруг поймал себя на том, что ему нравится этот человек.

Не лично.

Как противник.

Потому что тот действительно умен.

— И что же привело столь уважаемых гостей в Синопу? — спросил он.

Луций спокойно ответил:

— Беспокойство за мир на Черном море.

Вот оно.

Тот самый язык империй.

“Мир.”

“Стабильность.”

“Защита торговли.”

Всегда одно и то же.

А за словами — влияние, деньги, контроль.

— Как великодушно со стороны Рима беспокоиться о чужом море, — спокойно сказал Андрей.

Во дворе повисла тишина.

Никандр едва заметно напрягся.

Слишком остро.

Но Луций неожиданно усмехнулся.

— Мне говорили, что вы молоды. Но не говорили, что вы опасны.

Хороший ответ.

Очень хороший.

Римлянин не стал спорить.

Не стал угрожать.

Он перевел разговор в игру.

Опытный дипломат.

Опасный дипломат.

Подали вино.

Андрей к нему даже не притронулся.

Луций заметил это сразу.

Разумеется.

Такие люди замечают всё.

— Вы осторожны, царевич.

— Я хочу долго жить.

— В Понте это разумное желание.

Несколько человек нервно усмехнулись.

Римлянин продолжил:

— В Риме внимательно следят за происходящим здесь.

Вот теперь пошло главное.

Андрей спокойно кивнул.

— И что именно видит Рим?

Луций ответил не сразу.

Он медленно посмотрел на остальных во дворе.

На стражу.
На Никандра.
На Леонтиска.
Словно взвешивал каждое слово.
— Я вижу молодого правителя, вокруг которого уже начинается борьба.
Не “царевича”.
Не “мальчика”.
Правителя.
Интересно.
Очень.
— А еще? — спросил Андрей.
Римлянин слегка прищурился.
И тихо произнес:
— И я вижу человека, который однажды может стать очень большим врагом Рима.
Во дворе стало так тихо, что слышно было море за стенами дома.
Никандр побледнел.
Артемидор медленно поднял взгляд.
Даже Леонтиск перестал ухмыляться.
Андрей смотрел на Луция неподвижно.
И вдруг понял: римлянин не пугает его.
Он предупреждает.
Почти честно.
Два человека, умеющих видеть дальше остальных, внезапно узнали друг друга.
Это было опасно.
Очень опасно.
Луций медленно поднял чашу вина.
— Надеюсь, я ошибаюсь.
Андрей впервые за вечер взял свою чашу.
Но пить все равно не стал.
И спокойно ответил:
— А я — нет.
Ночь после встречи с римлянами не принесла сна.
Слишком много смыслов осталось висеть в воздухе.
Слишком много недосказанного.
Слишком четко было произнесено слово “враг”.
Луций Корнелий Сулла — нет, имя он не назвал.
Но Андрей почувствовал его раньше, чем разум успел сформулировать.
Рим редко присылает “простых послов”, когда дело касается будущей войны.
Он стоял у окна.
Синопа спала.
Гавань дышала темным морем и огнями кораблей.
Где-то там стоял римский корабль.
Наблюдал.
Запоминал.
Сравнивал.
— Ты не спишь, — тихо сказал Артемидор из темноты.
Андрей не обернулся.
— Уже нет.
Старик подошел ближе.

Долго молчал.
Потом спросил:
— Что сказал тебе римлянин?
Андрей усмехнулся.
— То, что я уже знаю.
— И что же?
Он сделал паузу.
Слишком многое нельзя было сказать прямо.
Но кое-что — можно.
— Что Рим не боится людей.
Артемидор нахмурился.
— А чего он боится?
Андрей наконец обернулся.
— Только других Римов.
Тишина стала тяжелее.
Старик медленно сел.
— Тогда ты понимаешь, что это значит?
— Да.
— И что?
Андрей посмотрел на огонь.
И впервые произнес это вслух не как мысль, а как приговор:
— Они уже решили, что я опасен.
Утром город проснулся другим.
Римское посольство ушло.
Но их слова остались.
Как заноза.
Как яд.
Как предсказание.
И теперь каждый во дворце задавал один и тот же вопрос:
кто такой царевич Митридат на самом деле?
Андрей почувствовал это сразу.
Взгляды изменились.
Даже союзники начали смотреть осторожнее.
Не враги.
Еще нет.
Но уже не просто сторонники.
Политика.
Она всегда начинается с сомнения.
Во внутреннем дворе собрались военные.
Леонтиск был мрачен.
— Рим приехал не просто так, — сказал он. — Они проверяют, кого можно купить.
— Или кого нужно убить, — добавил Никандр.
Артемидор тихо:
— Или и то и другое.
Андрей слушал.
И молчал.
Потому что сейчас было важно не говорить.
А решать.
Он подошел к столу, где лежала карта.

Уголь, кровь, чернила — все смешалось за последние дни в одну реальность.
— Нам нужно время, — сказал он.
— Времени нет, — ответил Леонтиск.
— Есть, — спокойно сказал Андрей.
Все посмотрели на него.
Он провел линию по побережью.
Синопа.
Амастрия.
Гераклея.
— Рим не будет ждать. Но он не любит спешить без подготовки.
Никандр нахмурился.
— Ты говоришь так, будто знаешь их.
Андрей поднял взгляд.
И на секунду позволил себе правду.
— Я их изучал.
И этого оказалось достаточно.
Тишина стала другой.
Уже не напряженной.
А внимательной.
Люди начали слушать по-настоящему.
Он продолжил:
— Сейчас они наблюдают. Значит, мы должны заставить их наблюдать за ложной картиной.
— Как? — спросил Леонтиск.
Андрей медленно выдохнул.
И впервые произнес слово, которого здесь еще не существовало в таком смысле:
— Дезинформация.
Некоторые переглянулись.
Артемидор тихо:
— Это греческое слово?
— Уже да, — спокойно ответил Андрей.
Вечером того же дня он вышел к гавани один.
Без охраны.
Это было опасно.
Но нужно было подумать без глаз и ушей.
Море было черным и спокойным.
И вдруг он заметил фигуру на причале.
Римлянин.
Тот самый.
Луций Корнелий.
Один.
Без свиты.
Андрей замер.
Потом медленно подошел.
— Вы не уехали, — сказал он.
Луций не обернулся.
— Я уезжаю завтра.
Пауза.

— Я хотел еще раз увидеть человека, который, возможно, однажды сожжет половину нашего мира.

Андрей усмехнулся.

— Или половину своего.

Римлянин наконец посмотрел на него.

Долго.

Очень внимательно.

— Вы понимаете, что Рим не позволит вам вырасти свободным?

— А вы понимаете, что я уже вырос не там, где вы думаете?

Тишина.

Ветер с моря.

Две фигуры на пустом причале.

Два будущих врага.

И между ними — еще не случившаяся война.

Луций медленно кивнул.

— Тогда берегите себя, царевич.

— Я стараюсь.

Римлянин повернулся к кораблю.

И перед тем как уйти, добавил:

— В Риме есть поговорка.

Андрей молча ждал.

— Лучшая война — та, что предотвращена вовремя.

Он ушел.

Андрей остался.

И впервые понял: иногда война начинается не с меча.

А с того, что тебя слишком внимательно посмотрели.

Римский корабль ушел на рассвете.

Долго.

Слишком медленно, как будто не хотел исчезать из горизонта.

Андрей смотрел ему вслед до тех пор, пока парус не растворился в сером утреннем тумане.

И только тогда почувствовал, насколько сильно устал.

Не телом.

Головой.

Потому что за последние дни он прожил больше политики, чем за годы в прежней жизни.

Теперь это не было игрой.

Это стало системой.

И в этой системе он уже стоял в центре.

— Ты стал молчаливее, — сказал Артемидор за спиной.

Андрей не обернулся.

— Я стал осторожнее.

— Это не одно и то же.

Он наконец повернулся.

Старик выглядел так, будто не спал всю ночь.

— Что?

— Ты начинаешь думать как они, — тихо сказал Артемидор. — Как те, кто правит.

Пауза.

Это было почти обвинение.

И почти правда.

Андрей посмотрел на свои руки.
Руки Митридата.
Руки человека, который уже убивал.
И будет убивать снова.
— А как еще выжить? — спросил он.
Артемидор долго молчал.
Потом ответил:
— Иногда, чтобы выжить, надо перестать становиться тем, кто выживает.
Эта фраза зацепила.
Неприятно.
Глубоко.
Андрей отвернулся к морю.
Днем пришли плохие новости.
Леонтиск вошел в зал без обычной уверенности.
Лицо каменное.
— В городе исчезли трое купцов, — сказал он.
— И?
— Они были из тех, кто поддерживал Лаодику.
Тишина.
Андрей медленно выдохнул.
Началось.
Не громко.
Не явно.
Но началось.
— Убиты? — спросил он.
— Нет тел.
Это хуже.
Это политика.
Не убийство.
Послание.
— Кто контролирует улицы? — спросил Андрей.
— Уже никто полностью, — ответил Леонтиск. — Город расплзается на группы.
Конечно.
Классика.
Вакуум власти всегда превращает города в сеть хищников.
Андрей подошел к карте.
Черное море.
Синопа.
И вокруг — десятки сил.
Он провел пальцем по линии побережья.
— Значит, мы ускоряемся.
— К чему? — спросил Никандр.
Андрей посмотрел на него.
И впервые сказал это прямо:
— К войне.
Ночью во двор дома пришел гонец.
Без стражи.
Без сопровождения.
Почти мертвый от усталости.

Он рухнул на колени перед Андреем.

— Царевич...

— Говори.

— В столице... объявлен новый указ.

Пауза.

— Ваша мать... объявила вас предателем.

Тишина.

Даже ветер за стенами будто исчез.

— И?

Гонец сглотнул.

— Назначен новый наследник.

Андрей уже знал ответ.

Но все равно спросил:

— Кто?

Гонец прошептал:

— Ваш младший брат.

Вот теперь все стало окончательно.

Не интрига.

Не борьба.

Не слухи.

А официальная реальность.

Митридат VI Евпатор больше не был наследником.

Он был врагом собственного государства.

А значит — и всего, что это государство было.

Андрей медленно закрыл глаза.

И впервые за все время почувствовал не страх.

И не азарт.

А холодное понимание масштаба.

— Передайте, — тихо сказал он, — что я принимаю вызов.

Гонец замер.

— Что?

Андрей открыл глаза.

И в них уже не было мальчика.

— Передайте, что я возвращаюсь не просить.

А забирать.

В ту ночь Синопа перестала быть просто городом.

Она стала стартовой точкой войны.

И где-то далеко на западе, за морями и будущими империями, Рим впервые за долгое время получил противника, который не собирался проигрывать.

Утро принесло Синопе странную тишину.

Не спокойствие.

Именно тишину перед ударом.

Город будто затаил дыхание.

Люди меньше разговаривали на рынках, чаще оглядывались, быстрее закрывали двери.

Слухи уже не росли — они устаканились.

И это было хуже.

Когда слух становится уверенностью, он превращается в оружие.

Митридат VI Евпатор стоял в зале дома отца и слушал отчет Леонтидика.

— Городские кварталы начали вооружаться, — говорил военачальник. — Не открыто. Но ножи, дубины... даже старые панцири.

— Клань? — спросил Андрей.

— И дворцовые люди. И торговцы. И беднота.

— Значит, все.

Леонтиск кивнул.

— Все.

Плохо.

Но ожидаемо.

Андрей подошел к карте.

Теперь он уже не рисовал — он считал.

— Где Лаодика?

Никандр ответил:

— Во дворце. Усилила охрану. Не выходит.

— Ошибка, — тихо сказал Андрей.

Все посмотрели на него.

— Почему? — спросил Артемидор.

— Потому что тот, кто прячется, уже проигрывает психологически.

Он провел линию по городу.

— Сейчас власть не у того, у кого больше солдат. А у того, кто первым покажется уверенным.

Тишина.

Леонтиск медленно усмехнулся.

— Ты говоришь как человек, который хочет власти.

Андрей посмотрел на него.

И не стал отрицать.

— Да.

Честно.

Прямо.

И это изменило атмосферу в комнате.

Потому что теперь это не было игрой слов.

Это стало реальностью.

Через час он вышел на улицы.

Без армии.

Без сопровождения.

Только плащ и короткий меч.

Никто не остановил его.

Сначала.

Потом люди начали узнавать.

Сначала шепотом.

Потом вслух.

— Это он...

— Царевич...

— Он жив...

Толпа не приближалась.

Но и не расходилась.

Она следила.

Синопа наблюдала за своим будущим.

Андрей шел медленно.

Специально.
Пусть смотрят.
Пусть привыкают.
Власть начинается с присутствия.
Он поднялся на ступени старого форума.
И остановился.
Тишина.
Сотни людей вокруг.
И никто не говорил.
Он поднял голову.
И спокойно произнес:
— Я жив.
Этого было достаточно.
Первый крик прозвучал справа.
Потом слева.
Потом весь рынок взорвался шумом.
Люди начали говорить одновременно.
Кто-то радостно.
Кто-то испуганно.
Кто-то агрессивно.
Но главное — они реагировали.
Он снова существовал как центр.
И это было начало.
В этот момент вдалеке, у дворца, кто-то наблюдал за толпой.
Женщина.
Холодная.
Неподвижная.
Лаодика VI.
Она стояла в тени колоннады и слушала шум города.
Рядом тихо сказал Менофил:
— Он собирает вокруг себя людей.
— Я знаю, — ответила она.
Пауза.
— Он больше не ребенок.
Менофил осторожно добавил:
— Тогда его нужно остановить.
Лаодика не ответила сразу.
Она смотрела на рынок.
На сына.
На толпу.
На то, как Синопа медленно меняет сторону.
И впервые за долгое время ее лицо стало не холодным.
А задумчивым.
— Нет, — тихо сказала она наконец.
— Пока нет.
Менофил резко поднял взгляд.
— Моя царица?..
Лаодика медленно повернулась.
И в ее глазах впервые появилась не просто власть.

А расчет.

— Пусть он думает, что побеждает.

Пауза.

— Это ускорит его ошибки.

И тишина вокруг стала опаснее любого приказа об убийстве.

Потому что теперь это была не просто борьба за трон.

Это была стратегия.

И с этого момента война перестала быть хаосом.

Она стала планом.

План Лаодики начал работать уже через два дня.

Слишком быстро.

Это насторожило Андрея сразу.

Настоящие политические машины не действуют в ярости.

Они действуют заранее.

С утра по Синопе поползли новые слухи.

Тихие.

Аккуратные.

Почти правдоподобные.

— Царевич сошел с ума в горах.— С ним говорят духи.— Он одержим персидскими демонами.— Потому и выжил.

Андрей слушал доклады и почти восхищался.

Хороший удар.

Не обвинять его в слабости.

Наоборот — сделать слишком странным.

Опасным.

Непредсказуемым.

В древнем мире люди готовы идти за жестоким правителем.

Но боятся безумного.

— Умно, — тихо сказал он.

Никандр нахмурился.

— Что именно?

— Она не пытается сделать меня трусом. Она пытается сделать меня чужим.

Артемидор молча посмотрел на него.

Слишком внимательно.

И Андрей вдруг понял неприятную вещь.

Старик тоже иногда сомневается.

Потому что некоторые слова “Митридата” действительно звучали не как слова человека этой эпохи.

Потому что иногда он забывался.

Слишком.

Вечером он впервые сорвался.

Незаметно для остальных.

Но достаточно, чтобы испугаться самому.

Они обсуждали снабжение города.

Зерно.

Порты.

Деньги.

И Леонтиск сказал:

— Если начнется осада, придется закрыть гавань цепями.
Андрей автоматически ответил:
— Тогда нужны огнеметные суда.
Тишина.
Леонтиск моргнул.
— Какие суда?
Проклятье.
Андрей слишком быстро думал современными категориями.
— С маслом и смолой, — спокойно исправился он. — Поджигать корабли противника.
Леонтиск медленно кивнул.
Но Артемидор уже смотрел иначе.
Подозрительно.
Старик начинал чувствовать: иногда в царевиче говорит кто-то другой.
После совета Андрей вышел один во внутренний двор.
Ночь была холодной.
Море шумело за стенами.
Он оперся руками о камень и медленно выдохнул.
Опасно.
Очень опасно.
Если люди начнут считать его безумцем — Лаодика победит.
Но если он станет обычным античным правителем — проиграет Риму.
Вот главная ловушка.
Ему нужно менять мир, не показывая, насколько он отличается от этого мира.
И тут за спиной раздался голос:
— Кто ты?
Андрей резко обернулся.
Артемидор.
Старик стоял неподвижно.
Без страха.
Без почтения.
Просто смотрел.
— Осторожнее с такими вопросами, — тихо сказал Андрей.
— Нет. Осторожнее с ответами.
Тишина.
Ветер качнул факел.
— Иногда ты говоришь как грек. Иногда как перс. Иногда как человек из будущего.
Проклятье.
Слишком умный старик.
— А иногда? — спокойно спросил Андрей.
Артемидор долго молчал.
Потом тихо произнес:
— Иногда ты говоришь так, будто уже видел конец мира.
И это попало слишком точно.
Потому что Андрей действительно видел.
Не буквально.
Но видел империи, войны, города в огне, тотальные государства, промышленную смерть.
Рим для него не был вершиной ужаса.
Он был началом.
Андрей медленно сел на каменную скамью.

Усталость внезапно навалилась всей тяжестью.

— Ты веришь в судьбу? — спросил он.

Артемидор пожал плечами.

— В древнем мире это почти обязательное условие жизни.

Андрей усмехнулся.

— А если судьба ошиблась эпохой?

Старик нахмурился.

Не понял.

И хорошо.

Некоторые вещи лучше не объяснять.

В этот момент снаружи послышался топот копыт.

Быстрый.

Тревожный.

Через секунду во двор ворвался стражник.

— Господин!

— Что?

— В порту драка!

— Между кем?

Стражник сглотнул.

— Вашими людьми... и римлянами.

Тишина.

Очень нехорошая тишина.

Андрей медленно поднялся.

Вот теперь игра действительно начиналась.

Потому что случайная кровь между Понтом и Римом иногда меняет историю быстрее армий.

Глава 4

Глава четвертая Кровь в гавани.
Синопа не спала.
После заката город становился опаснее, чем днем.
Днем людьми управляли законы.
Ночью — страх, золото и ножи.
Андрей быстро шел к гавани через узкие улицы вместе с Леонтиском и десятком вооруженных людей.
Впереди уже слышались крики.
Звон металла.
Шум толпы.
Плохо.
Очень плохо.
— Сколько римлян осталось в городе? — спросил Андрей на ходу.
— Немного, — ответил Леонтиск. — Охрана посольства. Купцы. Писцы.
— И этого хватит для войны.
Военачальник мрачно усмехнулся.
— Ты действительно веришь, что Рим начнет войну из-за драки в порту?
Андрей даже не замедлил шаг.
— Нет.
Пауза.
— Рим начнет войну тогда, когда решит, что она выгодна. А драка станет поводом.
Леонтиск ничего не ответил.
Но посмотрел уже иначе.
С уважением.
И с тревогой.
В гавани творился хаос.
Факелы.
Разбитые лавки.
Толпа рыбаков, матросов и наемников.
На пирсе дрались человек тридцать.
Греки.
Понтийцы.
И римляне.
Даже отсюда Андрей сразу увидел главное.
Это не пьяная драка.
Слишком организованно.
Кто-то начал ее специально.
Один из римлян уже лежал на досках пирса в луже крови.
Еще двое отбивались спина к спине короткими мечами.
Двигались четко.
Хорошо.
Легионная школа.
Толпа наседала со всех сторон.
— Остановить всех! — рявкнул Андрей.
Но шум перекрыл голос.
Тогда он выхватил меч и ударил плашмя по бронзовому щиту одного из стражников.

Грохот прокатился по гавани.
Люди обернулись.
— ОРУЖИЕ ВНИЗ! — рявкнул он уже во всю силу.
И это сработало.
Не сразу.
Но сработало.
Толпа начала замедляться.
Андрей быстро прошел вперед.
На досках пирса лежал мертвый римлянин лет двадцати.
Совсем молодой.
Горло вскрыто ножом.
Чистая работа.
Не случайный удар.
Убийство.
Рядом тяжело дышал второй римлянин — высокий, черноволосый, с разбитой скулой.
Он смотрел зло.
Но без паники.
— Кто начал? — резко спросил Андрей.
Никто не ответил.
Конечно.
Толпа всегда молчит после крови.
Тогда заговорил римлянин.
— Нас ждали.
Хороший греческий.
Холодный голос.
— Кто?
— Люди в серых плащах. Не местные.
Андрей мгновенно напрягся.
Опять.
Снова этот невидимый игрок.
Слишком одинаковый почерк:
провокация; быстрая кровь; исчезновение исполнителей.
— Где они?
Римлянин мрачно усмехнулся.
— Ушли раньше, чем началась настоящая драка.
Конечно.
Профессионалы.
Через полчаса гавань удалось успокоить.
Раненых унесли.
Толпу разогнали.
Но атмосфера стала хуже.
Теперь пахло не беспорядком.
А будущей войной.
Андрей стоял у воды и смотрел на черные волны.
Рядом остановился римлянин.
— Тит Варрон, — представился он.
— Митридат.
— Я знаю.
Некоторое время они молчали.

Потом Тит тихо сказал:

— Если мой человек умрет официально как жертва нападения в Понте... Сенат использует это.

Вот.

Честный разговор.

Редкость.

— Я знаю.

Тит внимательно посмотрел на него.

— Тогда почему ты выглядишь так, будто тебя это не удивляет?

Потому что я знаю будущее, хотел сказать Андрей.

Потому что я видел, как великие державы создают поводы для вторжений.

Потому что через две тысячи лет ничего не изменится.

Но вслух он произнес другое:

— Потому что большие государства всегда ищут причины для войны.

Римлянин долго смотрел на него.

Потом тихо усмехнулся.

— Ты странный человек для своего возраста.

Если бы ты знал насколько.

Когда Андрей вернулся в дом, его уже ждали.

Никандр.

Артемидор.

Леонтиск.

И еще двое людей, которых он раньше не видел.

Оба в темных дорожных плащах.

Оба вооружены.

Оба слишком спокойны.

Наемники?

Нет.

Хуже.

Разведка.

Первый снял капюшон.

Смуглый.

Шрам через подбородок.

Глаза убийцы.

— Меня зовут Зопирион, — сказал он. — Мы прибыли от ваших друзей на востоке.

Опять “друзья”.

Андрей уже начинал ненавидеть это слово.

— Каких именно друзей?

Мужчина несколько секунд молчал.

Потом тихо произнес:

— От царя Армении.

Вот теперь стало действительно интересно.

Потому что на востоке сидел человек, который однажды станет одним из самых опасных союзников Митридата.

И одновременно — одним из самых страшных людей этого мира.

Тигран.

Имя повисло в воздухе тяжелее меча.

Тигран.

Даже память настоящего Митридата отозвалась мгновенно.

Уважение.
Осторожность.
И что-то еще.
Предчувствие.
Андрей медленно сел за стол.
— Царь Армении интересуется моими проблемами?
Зопирион спокойно ответил:
— Великие соседи всегда интересуются пожаром за стеной.
Хороший ответ.
Очень дипломатичный.
И очень опасный.
Второй человек до сих пор молчал.
Невысокий.
Седой.
Слишком неподвижный.
Так сидят люди, привыкшие наблюдать, а не говорить.
Разведчик.
Или убийца.
Или и то и другое.
— Чего хочет Тигран? — прямо спросил Андрей.
Зопирион усмехнулся.
— Умный вопрос. Не “что предлагает”, а “чего хочет”.
— Все чего-то хотят.
— Верно.
Мужчина наклонился вперед.
— Армения не хочет сильного Рима у своих границ.
Вот.
Наконец честность.
Почти.
— А сильный Понт хочет?
— Сильный Понт лучше римских легионов.
Андрей задумался.
Исторически — правда.
Но только частичная.
Тигран станет союзником, пока это выгодно.
Потом — соперником.
Так работают все большие государства.
Во все эпохи.
— И что предлагает Армения? — спросил он.
Зопирион положил на стол небольшой кожаный свиток.
Печать.
Черный воск.
Армянский знак царской власти.
— Деньги. Оружие. Людей.
Никандр резко поднял взгляд.
Даже Леонтиск напрягся.
Это уже не поддержка.
Это ставка.
Андрей не притронулся к свитку.

— Слишком щедро для простого сочувствия.
Зопирион улыбнулся.
Впервые по-настоящему.
И от этой улыбки стало холоднее.
— Царь Тигран умеет выбирать будущих победителей.
После полуночи гостей разместили в восточном крыле дома.
Но Андрей не лег.
Слишком многое начало двигаться одновременно.
Рим.
Армения.
Лаодика.
Неизвестный игрок с убийцами.
Синопа.
Все ускорялось.
Он стоял над картой и вдруг понял вещь, которая ему совсем не понравилась.
История уже меняется быстрее, чем должна.
Слишком рано появился Рим.
Слишком рано Армения предлагает союз.
Слишком рано Понт входит в кризис.
Эффект присутствия.
Он уже влияет на будущее сильнее, чем рассчитывал.
Опасно.
Потому что теперь невозможно предсказать последствия.
В этот момент дверь тихо открылась.
Артемидор.
Старик выглядел усталым.
— Ты не доверяешь армянам, — сказал он.
— Правильно.
— Но примешь помощь.
— Тоже правильно.
Артемидор подошел ближе к карте.
— Значит, ты все-таки хочешь войны с Римом?
Андрей долго молчал.
Очень долго.
Потом тихо произнес:
— Нет.
Пауза.
— Но Рим уже решил, что однажды она будет.
Старик внимательно посмотрел на него.
— Тогда зачем идти навстречу судьбе?
И снова этот вопрос.
Судьба.
Античный мир был одержим ею.
А Андрей... нет.
Он слишком хорошо знал, как устроена история.
Империи не падают от пророчеств.
Их ломают люди.
— Потому что иногда единственный способ избежать войны — стать настолько опасным, чтобы враг начал ее бояться.

Тишина.
Артемидор тихо покачал головой.
— Ты говоришь как человек, который родился не для мира.
Нет.
Я родился вообще не здесь.
Но вслух Андрей сказал другое:
— Мир — это просто пауза между войнами.
Под утро ему наконец удалось задремать.
И впервые с момента попадания пришел сон.
Настоящий.
Не воспоминания Митридата.
Не обрывки памяти.
Сон.
Он видел Рим.
Но не древний.
Другой.
Огромный.
Черный.
С бесконечными дорогами.
С орлами на знаменах.
С колоннами дыма до неба.
А по улицам шли легионы.
Бесконечные.
И среди них — человек в красном плаще.
Лицо скрыто тенью.
Но Андрей почему-то сразу понял, кто это.
Он сам.
Только старше.
Намного старше.
И когда фигура подняла голову, Андрей увидел глаза.
Не свои.
Глаза Митридата.
А потом весь Рим начал гореть.
Он проснулся резко.
В холодном поту.
За окном медленно светало.
И впервые за все время ему стало по-настоящему страшно.
Потому что он начал понимать: иногда человек меняет историю.
А иногда история меняет человека быстрее.
На рассвете в Синопе пошел дождь.
Тяжелый.
Холодный.
Море стало почти черным.
Андрей стоял под колоннадой внутреннего двора и смотрел, как вода смывает пыль с камней.
Хороший знак для города.
Плохой — для политики.
Дождь загонял людей в дома.
А загнанные домой люди начинали думать.

Иногда слишком много.
Слухи росли.
Страх рос.
И вместе с ними — его имя.
С каждым днем оно становилось тяжелее.
Опаснее.
Он уже чувствовал это физически.
“Митридат.”
Не просто человек.
Символ.
Флаг.
Будущий царь.
Будущий мятеж.
В древнем мире личности быстро превращались в мифы.
Особенно если вокруг проливалась кровь.
Зопирион нашел его сам.
Армянин двигался бесшумно для такого крупного человека.
— Вам стоит лучше охранять дом, — сказал он вместо приветствия.
— А вам стоит реже ходить без разрешения.
Армянин усмехнулся.
— Хороший ответ.
Некоторое время они молчали, слушая дождь.
Потом Зопирион неожиданно спросил:
— Вы действительно хотите победить Рим?
Не “воевать”.
Не “сопротивляться”.
Победить.
Разница огромная.
Андрей медленно повернулся.
— А что? Это кажется невозможным?
Армянин пожал плечами.
— Все считают невозможным то, чего никогда не видели.
Интересный человек.
Очень.
— Тогда зачем Тиграну я? — спросил Андрей.
Зопирион посмотрел прямо в глаза.
— Потому что царь Армении умеет узнавать людей, которым тесно в границах обычной судьбы.
Почти мистик.
Или очень хороший политик.
Иногда разницы нет.
Андрей чуть прищурился.
— А если я проиграю?
— Тогда Армения потеряет немного золота.
Пауза.
— А если выиграете — мир станет другим.
Вот она.
Настоящая ставка.
Не Понт.

Не Синопа.
Весь Восток.
Днем произошло то, чего Андрей ждал.
Но не так быстро.
В дом прибыл официальный гонец дворца.
На этот раз — с охраной.
И с золотой печатью царицы.
Все собрались в главном зале.
Даже Леонтиск выглядел напряженным.
Гонец медленно развернул свиток.
И начал читать:
— “По воле богов и ради мира в Понте царица Лаодика приглашает царевича Митридата
во дворец для примирения крови и восстановления порядка...”
Никандр тихо выругался.
Леонтиск фыркнул.
Артемидор закрыл глаза.
Потому что все понимали: это ловушка.
Вопрос только — насколько очевидная.
Гонец дочитал до конца и поднял взгляд.
— Царица ожидает ответа до заката.
Тишина.
Все смотрели на Андрея.
Он медленно взял свиток.
Прочитал еще раз.
Красиво написано.
Очень.
“Примирение.”
“Порядок.”
“Семья.”
Политика всегда любит теплые слова перед холодным ножом.
— Если я откажусь? — спросил он.
Гонец опустил глаза.
— Тогда это будет воспринято как признание вражды.
Конечно.
Идеальный ход.
Теперь выбор плохой в любом случае.
Пойдешь — рискуешь жизнью.
Не пойдешь — официально начинаешь гражданскую войну.
Никандр тихо сказал:
— Не ходи.
Леонтиск:
— Во дворце тебя убьют.
Артемидор молчал.
Только смотрел.
И почему-то именно это молчание оказалось важнее всех слов.
Андрей медленно свернул свиток.
Думай.
Что сделает Лаодика?
Что ожидает?

Страх.

Отказ.

Осторожность.

А значит...

Нужно сломать ожидание.

Он поднял взгляд на гонца.

— Передай моей матери...

Пауза.

Все замерли.

— ...что я приду.

Тишина стала почти осязаемой.

Никандр резко встал.

— Это безумие.

— Нет.

— Да!

Леонтиск мрачно выдохнул:

— Во дворце ее люди. Ее стража. Ее стены.

Андрей спокойно посмотрел на него.

— Именно поэтому она не сможет убить меня открыто.

— Сможет тайно.

— Попробует.

И это “попробует” прозвучало так спокойно, что даже гонец невольно отступил на шаг.

Потому что впервые понял: этот молодой царевич не боится смерти так, как боятся остальные люди.

И это было страшно.

Очень.

Когда гонец ушел, Артемидор тихо спросил:

— Ты действительно веришь, что вернешься оттуда живым?

Андрей долго молчал.

Потом посмотрел на дождь за колоннами.

И ответил честно:

— Нет.

Пауза.

— Но иногда власть начинается с того момента, когда тыходишь в комнату, где тебя должны убить.

Во дворец он отправился на закате.

Без армии.

Без доспехов.

Только с мечом на поясе и в темном плаще без знаков царской власти.

Никандр пытался спорить до последнего.

Леонтиск требовал хотя бы сотню людей сопровождения.

Даже Зопирион впервые выглядел обеспокоенным.

— Если это ловушка, — сказал армянин, — вас убьют раньше, чем вы успеете понять.

— Значит, придется понимать быстро, — спокойно ответил Андрей.

Артемидор ничего не сказал.

Только перед самым выходом неожиданно протянул ему маленький бронзовый амулет.

Старый.

Потертый.

— Что это?

— Когда-то он принадлежал твоему отцу.
Андрей взял амулет.
Теплый металл лег в ладонь неожиданно тяжело.
— И он его спасал?
Старик грустно усмехнулся.
— Нет.
Хороший ответ.
Честный.
Андрей спрятал амулет под одежду и вышел в вечернюю Синопу.
Город провожал его взглядами.
Люди уже знали, куда идет царевич.
Слухи снова оказались быстрее гонцов.
На улицах стояла странная тишина.
Даже торговцы говорили вполголоса.
Будто весь город чувствовал: сегодня решается что-то важное.
Очень важное.
Дворец возвышался над морем бело-золотой громадой.
Красивый.
Холодный.
Идеальное место для убийства.
Когда Андрей поднялся по мраморным ступеням, ворота уже были открыты.
Слишком демонстративно.
“Мы тебя ждем.”
Стража стояла неподвижно.
Лица каменные.
Но Андрей видел: они нервничают.
Значит, приказов на открытое убийство нет.
Пока.
Менофил встретил его лично.
Евнух поклонился чуть ниже обычного.
— Царица рада вашему прибытию.
— Не сомневаюсь.
Они шли длинными коридорами дворца.
Мрамор.
Золото.
Фрески.
Запах масел и благовоний.
И одновременно — страха.
Андрей чувствовал его почти физически.
Двор жил ожиданием удара.
— Вы изменились, царевич, — тихо сказал Менофил.
— Люди часто это повторяют.
— И обычно не ошибаются.
Опасный разговор.
Слишком внимательный евнух.
Очень умный.
Наверное, именно такие люди и держат дворцы живыми.
Или превращают их в бойни.
Они остановились перед тяжелыми бронзовыми дверями.

— Царица ждет вас одна, — сказал Менофил.
Ложь.
Во дворце никто никогда не бывает один.
Андрей медленно кивнул.
И вошел.
Лаодика VI действительно была одна.
По крайней мере — видимо.
Большой зал освещали десятки масляных ламп.
За окнами шумело море.
Царица сидела у длинного стола с двумя чашами вина.
Слишком символично.
Она подняла взгляд.
И впервые за все время не играла роль.
Ни любящей матери.
Ни оскорбленной правительницы.
Ни царицы.
Просто смотрела.
Долго.
Очень внимательно.
— Ты все-таки пришел, — тихо сказала она.
— Ты удивлена?
— Да.
Честно.
Это было неожиданно.
Андрей медленно подошел ближе.
И только сейчас понял: Лаодика устала.
Очень.
За последние недели она тоже жила как человек среди ножей.
— Ты боишься меня, — вдруг сказала она.
— Нет.
— Тогда почему не пьешь?
Он посмотрел на чаши.
Усмехнулся.
— Потому что я хочу прожить достаточно долго, чтобы увидеть, чем все закончится.
И впервые Лаодика рассмеялась по-настоящему.
Коротко.
Почти искренне.
— Ты действительно больше не мой сын.
Тишина.
Опасная.
Живая.
Андрей медленно сел напротив.
— А ты действительно пыталась меня убить.
Она не отвела взгляд.
Даже сейчас.
— Да.
Вот так просто.
Без оправданий.
Без слез.

Без попытки соврать.

И это почему-то оказалось страшнее любой лжи.

— Почему?

Лаодика долго молчала.

Потом тихо произнесла:

— Потому что я знаю нашу кровь.

Пауза.

— Мужчины нашего рода или правят миром... или сжигают его.

За окнами ударила волна о скалы.

И в этот момент Андрей внезапно понял: она боится не за трон.

Она боится того, кем станет Митридат.

А может — уже стал.

Андрей долго смотрел на Лаодику, пытаясь понять, где заканчивается политика и начинается правда.

Потому что сейчас она говорила искренне.

По-своему.

А искренность опасных людей всегда стоит дороже золота.

— Значит, ты решила убить меня ради спасения Понта? — тихо спросил он.

Лаодика медленно покачала головой.

— Нет.

Пауза.

— Ради спасения мира вокруг Понта.

Интересно.

Очень.

Она действительно видела дальше большинства правителей этой эпохи.

Андрей почувствовал почти уважение.

Почти.

— Ты переоцениваешь меня.

Царица усмехнулась.

— Нет. Я недооценила тебя.

Тишина снова стала тяжелой.

За стенами шумело море.

Где-то далеко кричали чайки.

А дворец будто замер.

Словно сам ждал, чем закончится этот разговор.

Лаодика медленно подняла чашу вина.

Но не пила.

Просто держала в руках.

— Ты ведь уже думаешь о Риме, — сказала она.

Не вопрос.

Утверждение.

Андрей чуть прищурился.

— Все думают о Риме.

— Нет.

Она покачала головой.

— Все думают, как жить рядом с Римом. А ты думаешь, как его остановить.

Попала.

Слишком точно.

И это было опасно.

Потому что она начала понимать его быстрее остальных.

— И если даже я это вижу... — тихо продолжила Лаодика, — то римляне увидят тоже.

Андрей внезапно вспомнил взгляд Луция Корнелия.

Холодный.

Внимательный.

Да.

Уже увидели.

— Тогда почему не отдать меня им? — спросил он.

Лаодика посмотрела прямо в глаза.

И ответила неожиданно:

— Потому что ты мой сын.

Вот теперь стало по-настоящему сложно.

Потому что в ее голосе не было лжи.

Ни капли.

Она действительно одновременно:

любила его; боялась; хотела контролировать и была готова убить.

Античные династии вообще плохо разделяли любовь и власть.

Некоторое время они молчали.

Потом Лаодика тихо произнесла:

— Ты хочешь править?

Андрей усмехнулся.

— Поздновато задавать этот вопрос после попыток убийства.

— И все же.

Он задумался.

Потому что раньше ответ был бы простым.

Выжить.

Вернуться домой.

Найти способ изменить историю.

Но теперь...

Теперь внутри жил кто-то еще.

Кто-то древний.

Голодный.

Амбициозный.

— Да, — наконец сказал он.

Царица кивнула.

Будто услышала именно то, чего ожидала.

— Тогда запомни одну вещь.

Она наклонилась вперед.

И впервые за весь разговор в ее голосе появилась настоящая жесткость.

— Миром правят не армии.

Пауза.

— Миром правят люди, которые готовы сделать то, чего остальные боятся.

Андрей почувствовал холод.

Потому что это была правда.

Старая.

Неприятная.

Универсальная для всех эпох.

— И чему ты хочешь меня научить? — тихо спросил он.

Лаодика неожиданно улыбнулась.

Очень устало.

— Я хочу понять, не поздно ли тебя еще остановить.

Тишина.

А потом где-то за стеной внезапно закричали.

Резко.

Испуганно.

Сразу несколько голосов.

Лаодика мгновенно поднялась.

Андрей уже стоял тоже.

И в этот момент двери зала распахнулись.

Внутри ворвался окровавленный стражник.

— Моя царица!

— Что?!

Стражник тяжело дышал.

На лице — настоящий ужас.

— Горит восточное крыло!

Пауза.

— И... и убит Менофил.

Тишина стала абсолютной.

Потому что все в Понте понимали: убить Менофила — это не просто убийство.

Это объявление войны дворцу.

Настоящей войны.

Лаодика VI побледнела впервые на памяти Андрея.

Не из-за пожара.

Из-за имени.

Менофил был не просто евнухом.

Он был:

хранителем дворца;связующим звеном между кланами;человеком, знавшим все тайны

Синопы.

Таких не убивают случайно.

Таких убивают перед переворотом.

— Где тело? — резко спросила царица.

— Во внутренней галерее... — выдохнул стражник. — Горит все вокруг...

Лаодика уже шла к выходу.

Быстро.

Без колебаний.

И Андрей внезапно понял: вот почему она удержала власть так долго.

Она не замирала в кризис.

Она двигалась ему навстречу.

— Стражу к северным воротам! — бросила она на ходу. — Никого не выпускать из дворца!

Потом резко обернулась к Андрею.

Их взгляды встретились.

Коротко.

Очень ясно.

Теперь они оба понимали: кто-то ударил и по ней тоже.

Значит, невидимый игрок действительно существует.

И он перестал прятаться.

Восточное крыло уже полыхало.

Огонь жадно шел по деревянным перекрытиям и занавесям.
Слуги носились с кувшинами воды.
Стражники кричали друг на друга.
Кто-то вытаскивал сундуки.
Кто-то просто бежал.
Дворец начал превращаться в живое существо в панике.
Плохо.
Очень плохо.
Паника убивает быстрее огня.
Андрей мгновенно это понял.
— Перекрыть внутренний двор! — рявкнул он ближайшим солдатам. — Людей не пускать к складам масла!
Стражники подчинились почти автоматически.
Даже не задумавшись, почему снова слушают именно его.
Лаодика заметила это.
Конечно заметила.
Но сейчас было не до политики.
Они вошли в задымленную галерею почти одновременно.
И запах ударил сразу.
Горелое дерево.
Масло.
И кровь.
Менофил лежал у стены.
Точнее — то, что от него осталось.
Убийца работал быстро и профессионально.
Горло вскрыто.
Три удара в грудь.
Без ярости.
Без лишней жестокости.
Просто устранение цели.
Андрей присел рядом.
И сразу увидел странность.
На руке Менофила что-то зажато.
Кусок ткани.
Серой.
Той самой.
Серые плащи.
Леонтиск тихо выругался:
— Опять они.
Да.
Те же люди.
Тот же почерк.
И значит — все события последних недель связаны.
Покушения.
Порт.
Стрела в храме.
Теперь дворец.
Кто-то системно разрушает Понт изнутри.
Лаодика смотрела на тело молча.

Очень долго.
Потом тихо произнесла:
— Он был со мной двадцать лет.
И впервые Андрей услышал в ее голосе настоящую боль.
Не политическую.
Человеческую.
Странное чувство.
Он вдруг понял: дворец сделал из нее чудовище не потому, что она родилась жестокой.
А потому что иначе здесь невозможно выжить.
И возможно...
Та же судьба уже начинала работать с ним.
В этот момент один из стражников крикнул:
— Нашли еще одного!
По галерее протащили человека.
Раненого.
В сером плаще.
Живого.
Андрей почувствовал, как внутри мгновенно похолодело.
Наконец-то.
Пленник был молод.
Лет двадцати пяти.
Лицо обычное.
Почти незапоминающееся.
Идеальное лицо для убийцы.
Но главное — он не выглядел напуганным.
Даже сейчас.
Даже с разбитым плечом.
— Кто ты? — резко спросила Лаодика.
Человек молчал.
Тогда Андрей подошел ближе.
И увидел у него на шее знакомую синюю точку.
Яд.
Проклятье.
Он резко схватил пленника за челюсть.
— Не дать ему закрыть рот!
Солдаты рванулись вперед.
Но убийца внезапно улыбнулся.
Спокойно.
Почти весело.
И тихо произнес:
— Уже поздно.
В следующее мгновение где-то в глубине дворца раздался взрыв.
Настоящий.
Глухой.
Тяжелый.
Пол под ногами дрогнул.
С потолка посыпалась пыль.
Люди закричали.
Андрей застыл.

Взрыв.

Не случайный пожар.

Взрыв.

И внутри него медленно поднялся настоящий ужас.

Потому что только один человек во всем этом мире начинал думать о войне настолько современно.

Он сам.

Но кто-то еще только что использовал почти его методы.

Глава 5

Глава пятая
Серые плащи.
Взрыв был не слишком мощным.
Но достаточным, чтобы дворец охватила паника.
Для древнего мира сам звук оказался страшнее разрушений.
Люди не понимали, что произошло.
Не понимали природы удара.
А то, чего человек не понимает, он всегда начинает бояться сильнее всего.
По коридорам уже неслись крики:
— Магия!— Проклятие богов!— Персидское колдовство!
Андрей почувствовал ледяной холод.
Потому что понял главное: это не порох.
Слишком слабый хлопок.
Слишком мало огня.
Но принцип...
Принцип был правильный.
Давление в закрытом пространстве.
Масло.
Смола.
Что-то вроде селитры?
Нет.
Слишком рано для полноценного состава.
Но кто-то экспериментирует.
Кто-то умный.
Очень умный.
Пленник умер через минуту.
Яд сработал быстро.
Даже слишком.

Черные прожилки пошли по шее, глаза закатились, дыхание оборвалось почти мгновенно.

Леонтиск выругался:
— Никогда такого не видел.
Андрей видел.
Точнее — знал.
Капсулы смерти.
Самоубийцы разведок.
Фанатики.
История меняется.
Быстрее, чем должна.
Он медленно поднялся.
И тут заметил: Лаодика смотрит на него.
Очень внимательно.
Слишком внимательно.
Она тоже увидела его реакцию.
Слишком спокойную.
Слишком понимающую.
— Ты знаешь, что это? — тихо спросила она.

Опасный вопрос.

Очень.

Андрей выдержал паузу.

Потом спокойно ответил:

— Нет.

Ложь.

Но необходимая.

Потому что правда сейчас прозвучала бы страшнее любых взрывов.

Огонь удалось локализовать только через час.

Восточное крыло выгорело почти полностью.

Часть внутренних архивов погибла.

Несколько слуг задохнулись дымом.

Дворец выглядел раненым.

Как живое существо после удара копьем.

Ночь уже подходила к концу, когда Андрей, Лаодика, Леонтиск и Артемидор собрались в малом военном зале.

Никто не говорил о примирении.

Теперь это стало бессмысленно.

Потому что появился третий враг.

И он был опаснее внутренней борьбы.

На стол положили серый плащ убитого.

Обычная шерсть.

Никаких знаков.

Никаких символов.

Но Андрей заметил кое-что другое.

Шов.

Очень ровный.

Не местная работа.

И ткань...

Слишком плотная для дешевых наемников.

— Это не уличные убийцы, — сказал он.

Леонтиск кивнул.

— Да.

— И не фанатики.

— Тогда кто?

Андрей провел пальцами по ткани.

Думай.

Система.

Организация.

Дисциплина.

Самоубийственный яд.

Провокации.

Дестабилизация.

Похоже не на банду.

На службу.

Но какую?

Рим?

Слишком рано.

Слишком грязно для официального Сената.

Греки?
Нет масштаба.
Внутренние враги Понта?
Недостаточно профессиональны.
Тогда кто?
И тут память Митридата внезапно выдала имя.
Тихо.
Почти шепотом.
Каппадокийцы.
Нет...
Не совсем.
Хуже.
Люди, связанные с черноморскими торговыми домами.
Полугреческие.
Полуварварские.
Без родины.
Но с деньгами.
Андрей резко поднял голову.
Торговцы.
Конечно.
Всегда торговцы.
Когда государства слабеют, первыми приходят те, кто зарабатывает на хаосе.
— Порты, — тихо сказал он.
Все посмотрели на него.
— Что?
— Они связаны с портами.
Артемидор нахмурился:
— Откуда ты знаешь?
Андрей уже выстраивал цепочку.
Гавань.
Наемники.
Быстрое перемещение.
Исчезновения.
Слухи.
Деньги.
— Потому что только торговые сети могут двигать людей так быстро и незаметно.
Тишина.
Лаодика медленно прищурилась.
— Ты говоришь так, будто уже сталкивался с подобным.
Проклятье.
Снова.
Он слишком много знает.
Слишком системно думает.
И это начинает пугать даже союзников.
Андрей спокойно выдержал ее взгляд.
— Власть всегда устроена одинаково.
Ответ получился хорошим.
Не прямым.
Но убедительным.

Почти.
Перед рассветом пришли новые новости.
Хуже прежних.
В город вошли вооруженные люди.
Небольшими группами.
С разных дорог.
Формально — купцы и охранники караванов.
Но Леонтиск сразу понял:
наемники.
— Сколько? — спросил Андрей.
— Пока около двух сотен.
— А будет больше.
Не вопрос.
Факт.
Синопу начинали готовить к большой резне.
Кто-то собирал силы заранее.
Очень заранее.
И тогда Андрей наконец понял страшную вещь.
Возможно...
Возможно, его появление здесь ничего не запустило.
Возможно, война уже готовилась.
А он просто оказался внутри механизма, который начал вращаться раньше него.
И если это правда — то противник намного опаснее, чем казался сначала.
Рассвет над Синопой был серым.
Без солнца.
Без цвета.
Будто сам город устал от происходящего.
Митридат VI Евпатор стоял на стене дворца и смотрел вниз, на просыпающиеся улицы.
Теперь он видел больше.
Не глазами современного человека.
И не глазами юного царевича.
Оба сознания постепенно начинали смешиваться.
Это пугало.
Иногда Андрей ловил себя на том, что уже не сразу вспоминает собственное лицо из прошлой жизни.
А вот память Митридата становилась все ярче.
Запахи.
Имена.
Ощущение власти.
Ненависть к Риму.
Особенно ненависть.
Она росла внутри медленно, как огонь под пеплом.
И это было самым страшным.
Потому что часть этой ненависти уже принадлежала не Митридату.
А ему самому.
Сзади тихо подошла Лаодика.
Без свиты.
Без охраны.
Только темный плащ поверх ночного одеяния.

— Ты не спал, — сказала она.

— Ты тоже.

Некоторое время они молчали.

Потом царица посмотрела на город.

— Синопа меняется.

— Да.

— И уже не подчиняется мне полностью.

Честно.

Опять честно.

Странно, как быстро между ними исчезла привычная ложь.

Когда начинается настоящая война, маски становятся слишком тяжелыми.

— Ты могла бы остановить это раньше, — сказал Андрей.

Лаодика чуть усмехнулась.

— А ты?

Он не ответил.

Потому что ответ был неприятным.

Нет.

Уже нет.

Внизу, у внешних ворот дворца, внезапно поднялся шум.

Крики.

Топот.

Стража.

Леонтиск появился через минуту.

Быстро.

Очень быстро.

Плохой знак.

— В городе нашли еще троих в серых плащах, — сказал он.

— Живых?

— Нет.

— Убиты?

Военачальник покачал головой.

— Повесились.

Тишина.

Андрей почувствовал неприятный холод.

Секта?

Нет.

Организация.

Дисциплина слишком высокая.

— Их кто-то зачистил, — тихо сказал он.

Леонтиск кивнул.

— Похоже на то.

Лаодика медленно повернулась.

— Ты уже понял, кто они?

Андрей задумался.

Нет.

Еще нет.

Но некоторые детали начали складываться.

Эти люди:

не пытались выжить; не пытались скрыться; действовали как расходный материал.

Значит, они верят в нечто большее, чем деньги.
Опасно.
Очень.
Потому что фанатики всегда страшнее наемников.
Через час во дворец доставили вещи одного из мертвецов.
Нож.
Монеты.
Кожаный мешочек.
И маленькую восковую табличку.
Почти пустую.
Только один знак.
Полукруг и три точки внутри.
Леонтиск нахмурился.
— Никогда не видел.
Никандр тоже покачал головой.
А вот Лаодика внезапно замерла.
На секунду.
Очень коротко.
Но Андрей заметил.
— Ты знаешь этот знак, — тихо сказал он.
Царица медленно подняла взгляд.
И впервые за долгое время в ее глазах мелькнул настоящий страх.
Не за власть.
За прошлое.
— Это невозможно, — тихо произнесла она.
— Что невозможно?
Пауза.
Слишком длинная.
Потом Лаодика медленно выдохнула:
— Эти люди должны были исчезнуть много лет назад.
Хорошо.
Вот теперь действительно интересно.
— Кто они?
Она долго молчала.
Словно решая, стоит ли вообще говорить.
А потом тихо произнесла:
— “Союз Пепла”.
Даже само название прозвучало неприятно.
Древне.
И очень опасно.
Артемидор нахмурился:
— Я слышал легенды...
— Это не легенды, — резко оборвала Лаодика.
И Андрей понял: она действительно знает.
Очень много знает.
— Когда-то их создали торговые дома восточного побережья, — тихо продолжила царица. — Для войн, которые нельзя вести открыто.
Тишина.
— Убийства. Поджоги. Отравления. Мятежи.

Она посмотрела на сгоревшее крыло дворца.
— Они разрушали государства изнутри.
Андрей почувствовал, как внутри медленно поднимается ледяное понимание.
Теневая структура.
Прототип разведывательно-диверсионной сети.
Для античного мира — почти невероятно.
Но если такие люди действительно существуют...
Тогда Рим — не единственная угроза будущему.
— И кто ими управляет сейчас? — спросил он.
Лаодика медленно покачала головой.
— Если “Союз Пепла” вернулся...
Пауза.
— Значит, кто-то очень богатый решил, что Понт должен умереть.
Слова Лаодики повисли в воздухе тяжелым приговором.
Понт должен умереть.
Не ослабнуть.
Не сменить правителя.
Именно умереть.
Андрей медленно подошел к столу с картой.
Теперь многое начинало выглядеть иначе.
Покушения.
Наемники.
Поджоги.
Дестабилизация города.
Это не борьба за трон.
Это подготовка к разбору государства по частям.
Как тушу.
И где-то за всем этим стоят деньги.
Очень большие деньги.
— Кто финансировал “Союз Пепла”? — спросил он.
Лаодика ответила не сразу.
— Торговые дома Колхиды. Некоторые греческие банкиры. Часть финикийцев.
Леонтиск выругался.
— Торговцы.
— Не просто торговцы, — тихо сказал Андрей.
Он уже видел схему целиком.
Черное море.
Зерно.
Металлы.
Рабы.
Морские пути.
Понт сидел в центре огромной торговой артерии.
И если страна начнет распадаться...
Кто-то заработает невероятно много.
Старый принцип.
Будущие века будут строиться точно так же.
Андрей вдруг почувствовал странную злость.
Почти личную.
Потому что он слишком хорошо знал подобный мир.

Мир, где войны продаются и покупаются.
Где государства становятся товаром.
— Они хотят хаоса, — тихо сказал он.
Лаодика кивнула.
— Да.
— А Рим?
— Пока наблюдает.
Пока.
Ключевое слово.
Империи любят приходить туда, где все уже ослаблены чужими руками.
Андрей медленно провел пальцем по карте.
И внезапно понял: если ничего не изменить, Понт действительно обречен.
Даже без Рима.
Изнутри.
Днем в Синопе начались первые уличные убийства.
Пока мелкие.
Пока точечные.
Но достаточно показательные.
Убили двух сторонников Лаодики.
Потом — одного купца, поддерживавшего Митридата.
Потом исчез городской сборщик налогов.
К вечеру улицы начали пустеть.
Город входил в состояние страха.
А страх — лучшая почва для переворотов.
Леонтиск вернулся злой.
— Мы не успеваем.
— Потому что бьем по последствиям, — сказал Андрей.
— А по чему надо?
Он посмотрел на военачальника.
— По системе.
Леонтиск нахмурился.
Не понял.
Конечно.
Для античного мира война — это армия против армии.
Андрей же мыслил иначе.
Связи.
Деньги.
Логистика.
Информация.
То, что будущие эпохи назовут инфраструктурой власти.
— Если “Союз Пепла” держится на торговых сетях... — медленно произнес он, — значит, у них есть:
склады; тайники; люди в порту; люди среди писцов; деньги в городе.
Артемидор внимательно слушал.
Очень внимательно.
— Ты хочешь найти их сердце, — тихо сказал старик.
— Да.
— А если его нет?
Андрей усмехнулся.

— Тогда мы создадим им такое давление, что они сами начнут ошибаться.
И тут Лаодика неожиданно произнесла:
— Ты действительно рожден для войны.
Не восхищение.
Не страх.
Почти сожаление.
Вечером пришла новая проблема.
Хуже предыдущих.
Римлянин.
Тит Варрон снова появился во дворце.
Только теперь без дипломатической вежливости.
На его лице была усталость и злость.
— Еще один мой человек исчез, — сказал он сразу.
— Мне жаль.
— Не надо.
Тит подошел ближе.
— В Риме уже знают о беспорядках.
Слишком быстро.
Конечно.
У них хорошие курьеры.
И еще лучше — информаторы.
— И что говорит Сенат? — спокойно спросил Андрей.
Тит посмотрел прямо в глаза.
— Что Понт становится нестабильным.
Вот оно.
Формулировка.
Официальная.
Опасная.
“Нестабильное государство.”
История повторяется удивительно одинаково во все эпохи.
— И?
Тит тяжело выдохнул.
— Некоторые уже предлагают отправить сюда “миротворческие силы”.
Леонтиск едва не схватился за меч.
Лаодика резко побледнела.
А Андрей вдруг ощутил странное спокойствие.
Потому что теперь все стало окончательно ясно.
Рим уже начал движение.
Пока осторожное.
Пока дипломатическое.
Но механизм запущен.
И если Понт не изменится быстро — его съедят.
Красиво.
Законно.
Под разговоры о порядке и мире.
Тит смотрел на Андрея очень внимательно.
— Скажи честно, царевич.
Пауза.
— Ты способен удержать свою страну?

Вопрос прозвучал почти как предложение последнего шанса.
И Андрей внезапно понял: сейчас решается не только мнение римлянина.
Сейчас решается, станет ли он в глазах Рима очередным восточным князьком...
Или тем, кого однажды придется уничтожить всерьез.
Он медленно поднял голову.
И спокойно ответил:
— Нет.
Тишина.
Даже Тит замер.
Андрей продолжил:
— Но я способен превратить ее в страну, которую Рим не сможет проглотить без крови.
Тит Варрон долго смотрел на Андрея.
Без насмешки.
Без раздражения.
Слишком внимательно.
Будто пытался понять: это дерзость молодого царевича...
или предупреждение будущего врага.
— В Риме не любят угроз, — тихо сказал он.
— А это и не угроза.
Пауза.
— Это расчет.
Леонтиск едва заметно усмехнулся.
Лаодика молчала.
Артемидор прикрыл глаза, словно уже видел, к чему ведет этот разговор.
Тит подошел к карте на столе.
Провел пальцем по побережью Черного моря.
— Ты понимаешь, сколько у Рима людей?
— Да.
— Сколько золота?
— Да.
— Сколько легионов?
Андрей посмотрел прямо на него.
— Недостаточно, чтобы быть везде одновременно.
И вот теперь римлянин действительно насторожился.
Потому что это был уже не язык царевичей.
Это был язык стратегии.
Большой стратегии.
Тит медленно убрал руку с карты.
— Ты опаснее, чем я думал.
— Поздно это понимать.
Лаодика резко подняла взгляд.
Даже она почувствовала: что-то изменилось.
В комнате разговаривали уже не наследник Понта и дипломат.
А два будущих противника.
И оба это понимали.
После ухода Тита никто некоторое время не говорил.
Тишину нарушил Леонтиск.
— Ты специально его провоцируешь?
— Нет.

— Тогда зачем так говорить?
Андрей медленно сел.
Усталость снова накатывала волнами.
— Потому что Рим уважает только две вещи: силу и выгоду.
Леонтиск нахмурился.
— А страх?
— Страх — это разновидность уважения.
Тишина.
Артемидор тихо усмехнулся.
— Иногда ты звучишь старше всех нас вместе взятых.
Если бы ты только знал.
Поздно ночью Андрей наконец остался один.
Комната во дворце была чужой.
Слишком роскошной.
Слишком тихой.
Он стоял у окна и смотрел на огни Синопы.
Город жил.
Боялся.
Шептался.
Вооружался.
И медленно скатывался к войне.
Андрей закрыл глаза.
И внезапно почувствовал еще кое-что.
Память Митридата.
Сильнее прежнего.
Теперь она приходила не вспышками.
А слоями.
Запах конюшен.
Голоса учителей.
Детские страхи.
Персидские сказания о царях-завоевателях.
И главное — ощущение судьбы.
Настоящий Митридат с детства рос в мире, где ему внушали: он рожден для величия.
Опасная мысль.
Очень.
Потому что такие идеи легко превращают человека в чудовище.
Андрей резко открыл глаза.
Нельзя растворяться.
Нельзя забывать, кто он.
Иначе однажды проснется уже не Андрей.
А только Митридат.
В этот момент за дверью послышались быстрые шаги.
Потом стук.
— Войдите.
В комнату вошел Зопирион.
И выглядел армянин непривычно серьезно.
— У нас проблема.
— Какая именно? Их уже слишком много.
Армянин подошел ближе.

И тихо произнес:
— Нашли человека из “Союза Пепла”.
Андрей мгновенно напрягся.
— Живого?
— Пока да.
Пленника держали в старой подземной кладовой под дворцом.
Толстые каменные стены.
Железные кольца.
Запах сырости и крови.
Идеальное место для допросов.
Человек в сером плаще сидел прикованный к стене.
Молодой.
Худой.
На лице — следы побоев.
Но глаза...
Спокойные.
Слишком спокойные.
Опять фанатик.
Или профессионал высшего уровня.
Андрей медленно подошел ближе.
Пленник поднял голову.
И внезапно улыбнулся.
— Наконец-то.
Тихий голос.
Без страха.
Без ненависти.
Это было хуже всего.
— Ты меня ждал? — спокойно спросил Андрей.
— Конечно.
Пауза.
— Нам было очень интересно посмотреть на человека, который ломает историю.
Тишина в подземелье стала ледяной.
Даже Зопирион едва заметно изменился в лице.
Андрей почувствовал, как внутри все медленно сжалось.
Не от страха.
От понимания.
Слишком точная фраза.
“Ломает историю.”
Не “политику”.
Не “планы”.
Историю.
Пленник смотрел прямо на него.
Спокойно.
С интересом.
Будто перед ним был не враг, а редкое животное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.